

Александр Пушкин

Акварельный портрет работы П. Ф. Соколова.
Со старинной литографии.

СЕРГЕЙ ГЕССЕН

КНИГОИЗДАТЕЛЬ
АЛЕКСАНДР ПУШКИН

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДОХОДЫ
ПУШКИНА

«АСАДЕМІА»

ЛЕНИНГРАД

1930

Обложка работы
И. И. Фоминой

Ленинградский Областлит № 38776

Отпечатано в госуд. типографии

им. Е. Соколовой, Ленинград,

пр. Красн. Командиров, 29,

в кол. 3070 экз., 3 л.

Заказ № 2037

Вам слава не нужна:
Смешной и суетной вам кажется она;
Зачем же пишете? — Я? для себя. —
За что же
Печатаете вы? — Для денег. — Ах, мой
боже,
Как стыдно! — Почему-ж?
Пушкин. (Черновой набросок.)

Дай сделаю деньги, не для себя, для тебя. Я деньги мало люблю: но уважаю в них единственный способ благопристойной независимости.

Пушкин. — Н. Н. Пушкиной.
(VII. 1834.)

КНИЖНЫЙ РЫНОК В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

1

Пушкин был не только одним из величайших художников всех времен и народов. Он был еще большим, выдающимся человеком. Если из истории жизни его вычеркнуть творчество, останется, богатая внешними фактами и внутренними переживаниями, биография человека, исключительная индивидуальность которого отражалась и оставляла пеху на каждом шагу его жизненного пути. В. В. Вересаев написал четырехтомную биографию Пушкина-человека, почти вовсе вылушив из нее творческую историю, и, тем не менее, книга его читается, том за томом, с захватывающим интересом, несмотря на эту мучительную, дорого стоящую и ничем не оправдываемую операцию механического выделения внешней истории художника из общего комплекса его жизни.

Представим себе такого необыкновенного человека, который впервые узнал о существовании Пушкина из четырех томов книги Вересаева. Когда он перевернет последнюю страницу последнего тома, спросим его: кто такой Александр Сергеевич Пушкин? Должно быть он ответит, что это замечательный во всех отношениях человек, и, между прочим, писа-

тель. Такой вывод, совершенно справедливый в приложении к книге Вересаева, конечно, противоречит истине. Пушкин прежде всего — поэт. Но и человеком он был подлинно замечательным.

Естественно, в силу этого, что пушкиноведение должно идти и идет двумя путями: изучает творчество Пушкина, литературную историю его произведений и подвергает их формальному анализу, во-первых, и разрабатывает биографию поэта, во-вторых. Еще в 1923 г. Н. К. Пиксанов наметил третий путь, открывающийся перед пушкиноведением. П. Е. Щеголев, в своей последней работе, „Пушкин и мужики“, развил означенную тему. Это „анализ той социальной обстановки, в которой складывалось художественное восприятие Пушкина“.

„Социальная обстановка“ эта слагалась из разных ингредиентов. „Пушкин и крепостное право, помещичьи отношения Пушкина“ — таковы темы П. Е. Щеголева. Добавим к ним еще одну — издательская деятельность Пушкина. Эта последняя стоит на одном из центральных стыков творческого и жизненного путей художника, в силу чего, как будто, не может быть обойдена. Однако, именно так оно и было до сих пор. Об этой стороне жизни и деятельности Пушкина мы имеем самые смутные представления.¹

¹ Впервые эту тему поставил еще П. В. Анненков, посвятивший в своей работе специальную главу „Торговой стороне деятельности Пушкина“. Данного вопроса приходилось касаться и позднейшим биографам и комментаторам Пушкина, но всегда только вскользь, мимоходом.

Между тем, мы еще вторично сталкиваемся с этой же темой, приходя к ней иным путем. Социологическое изучение истории литературы, в свою очередь, поставило ряд вопросов, вводящих нас в область „литературного быта“. Профессионализация писательского труда, взаимоотношения писателей и издателей, писателей и читателей, самый состав читательской массы, авторские гонорары и тиражи изданий, — таков ряд факторов, бесспорно влиявших на литературную эволюцию и особенно остро сказывавшихся в начале XIX столетия. Это, конечно, все факторы только посредствующие. Основным мотивом, основным стимулом эволюции литературного творчества, литературных форм, являлось собственно творчество. В на-

Едва ли не единственным исключением является обстоятельная статья Н. О. Лернера об издании „Бахчисарайского Фонтана“ (в Собрании сочинений Пушкина, под ред. С. А. Венгеров), пересказанная Виктором Русаковым (С. Ф. Либрович) в статье „Первый крупный гонорар в России“ (Известия книжных магазинов т-ва М. О. Вольф, 1909, № 9, стр. 221—224) Единственная попытка, — при этом совершенно неудачная и крайне поверхностная, — дать историю издательских операций Пушкина принадлежит тому же Виктору Русакову. См. его статью „Литературный заработок Пушкина. Несколько данных о гонорарах, полученных поэтом“. (Там же, 1899, № 7, стр. 152—166.)

Мы сознательно ограничили нашу работу исследованием издания Пушкиным исключительно собственных произведений, т. е. тех случаев, когда он являлся автором-издателем, но не просто издателем. Таким образом, история „Дневника“, „Современника“ и пр. оказалась вне плана работы.

Ю. Г. Оксману искренняя благодарность за советы и указания.

чала 30-х годов, обозначилась профессионализация литературного труда, ставшая возможной благодаря появлению профессиональных же издателей и журналов, с коммерческой установкой, вместо прежних альманахов. Еще более важно то, что расширился и углубился читательский слой, перешагнувший за тесные рамки высшего, аристократического круга, что не замедлило сказаться на изменении „социального заказа“, как выразились бы мы, употребив современный термин. Совершенно очевидно, что все это не могло не отразиться на литературной эволюции. Справедливо заметил Б. М. Эйхенбаум,¹ что если „четырехстопный ямб Пушкина невозможно... связать ни с общими социально-экономическими условиями николаевской эпохи, ни даже с особенностями ее литературного быта“, то „переход Пушкина к журнальной прозе и, таким образом, самая эволюция его творчества в этот момент обусловлена общей профессионализацией литературного труда в начале 30-х годов и новым значением журналистики, как литературного факта“.

Перечисленные выше вопросы широко развиты на фактическом материале в книге „Словесность и коммерция“.² Здесь не своевременно касаться ряда весьма спорных мест,

¹ „На литературном посту“, 1927, № 9, стр. 51. Статья „Литература и литературный быт“.

² Г. Гриц, В. Тренин, М. Никитин. „Словесность и коммерция (Книжная лавка А. Ф. Смирдина).“ Под ред. В. Б. Шкловского и Б. М. Эйхенбаума. Изд-во „Федерация“, М. 1929.

встречающихся в этой интересной книге. Но на одном вопросе мы должны остановиться, ибо он имеет непосредственное отношение к затронутой нами теме. Роль Пушкина в эволюции литературного быта начала XIX века остается совершенно непонятной. На общей схеме развития профессионализации писательского труда, — имя Пушкина безнадежно выпало. Между тем, скажем *à priori*, роль его в данном направлении колоссальна. Если до Пушкина это развитие шло эволюционным путем, поскольку оно вообще было неизбежно, — то Пушкин значительно ускорил этот процесс. Он и сам чрезвычайно гордился своим успехом и, как убедимся ниже, имел к тому полные основания.

2

Для того, чтобы вернее определить место Пушкина в этой истории, должно вспомнить те внешние условия, в которых приходилось ему развивать свою деятельность. Условия эти были отнюдь не благоприятны для каких-либо реформаторских планов.

Русская книжная торговля, сто лет тому назад, пребывала в самом плачевном состоянии. В старом Гостином дворе, темном и мрачном, теснились книжные лавки, и книгопродавцам приходилось еще прибегать к „зазыванию“, чтобы остановить внимание прохожего, спешившего мимо лавки, торговавшей предметами, значимость которых казалась крайне сомнительной.¹

¹ Материалы для истории русской книжной торговли. Сиб. 1879, стр. 8.

Медленно, черепаashьим шагом, развивалась в России книжная торговля.¹ До Новикова, строго говоря, ее и вовсе не существовало. По свидетельству Карамзина, в Москве имелись всего две книжные лавки, с годовым оборотом в 5.000 рублей ассигнациями каждая. Следовательно, обе лавки, в среднем, продавали книг на 25—30 рублей в день. Эта цифра крайне многозначительна. Печатные произведения в те далекие времена ценились дорого, небольшая книжка стоила от 3 до 5 рублей и более. Иначе говоря, в Москве покупали не больше 5—6 книг в день. В Петербурге дело обстояло не лучше. „Многие помнят еще, — рассказывал М. Е. Лобанов, — что в Петербурге в 1786 году была одна только книжная Русская лавка, или, лучше сказать, будка... Хозяин ее был Иван Петрович Глазунов, а приказчик г. Сопиков“.²

Через несколько лет, трудами Новикова, появились первые книжные лавки в провинциальных городах. Плодились они и в столицах: в Москве их существовало уже целых двадцать и торговали они тысяч на 200 в год.³ Но после Новикова, книжная торговля снова пошла на убыль.

Русской книжной лавке весьма далеко еще было до процветания. Только в 20-х годах

¹ Мы разумеем, по выражению авторов книги „Словесность и коммерция“, „высокую“ литературу, в отличие от лубочной, уже и прежде того имевшей широкий сбыт.

² Пушкин и его современники (в дальнейшем ПС), XXXI—XXXII, стр. 112.

³ Сочинения И. В. Киреевского, I, стр. 20.

Разносчица календарей.
Из журн. «Волшебный Фонарь» 1817.

стала она в Петербурге постепенно выбираться из неуютного Гостиного двора в центральные части города. Их чужеземные коллеги, „иностраные гости“, находились в несравненно лучшем положении и давно уже обосновались на Невском, на Большой Морской и т. д.,¹ благодаря тому, что весьма долго переводный роман безраздельно господствовал над плодами „отечественной литературы“. Батюшков, со злой иронией, называл произведения мадам Жанлис и мадам Севинье „двумя катехизисами молодых девушек“.²

Если верхний аристократический слой общества услаждал свои досуги переводными французскими романами, то, существовавший уже на другом фланге, массовый читатель из купечества и мещанства потреблял литературу лубочную. Для произведений русских писателей читатель еще не выкристаллизовался.

Неудивительно, что наблюдательный современник, к тому же производивший свои наблюдения из-за книжного прилавка, должен был составить весьма пессимистическое представление о состоянии книжной торговли. Так, книгопродавец Н. Г. Овсянников замечал по этому поводу: „Одна только мода иметь в аристократических и богатых домах библиотеки исключительно поддерживала торговлю. В начале этого столетия господствовала кроме того мистическая литература: требовались и раску-

¹ П. Н. Столпянский. Книга в старом Петербурге. „Русское прошлое“, кн. I и V.

² К. Н. Батюшков. Полное собрание сочинений. Спб. 1835, II, стр. 24.

пались Сионский Вестник, Сочинения г-жи Гион, Эккартсгаузена Победная Повесть, Ключ к Таинствам Натуры, Торжество Евангелия и др. В это же время господствовали переводы книг с иностранных языков, издавались романы: сначала Радклиф, Дюкре-Дюминаля, Коцебу и др., потом Вальтер-Скотта, г-жи Коттен, Шатобриана...¹

Так, спрос на книги регулировался модой, и в то время, как „Сионский вестник“ легко распродавался, патриотический „Русский вестник“, даже в 1812 году, разошелся в количестве не более 100 экземпляров. Н. А. Полевой, в „Заметках русского книгопродавца“, саркастически заключал, что „весь... товар книжной, просто—игрушки, которыми тешатся взрослые люди, читатели и утешается авторское самолюбие литераторов“.²

„Ходкие книги и полезные книги—две вещи, часто совершенно различные“, ядовито иронизировал он. И действительно, Булгарин в 1824 г. приводил целый ряд книг, годами залеживавшихся у книгопродавцев. В этом списке находим первое издание сочинений Батюшкова, изданное в 1817 г., И. И. Дмитриева, напечатанное еще в 1805 г., М. Н. Муравьева (1818—1820), Жуковского (1818) и т. д. „Еслиб... я захотел приводить все сочинения истинно европейского достоинства, которые не обращают на себя никакого внимания публики, — писал Булгарин, — то мне надлежало бы составить

¹ Материалы... стр. 4--6.

² „Новоселье“, ч. III. Спб. 1846, стр. 501.

довольно пространный каталог, который однакож уступил бы в огромности каталогу книг азиатского достоинства (т. е. Сказок и Романов, которые с жадностью читаются публикою), равно как и списку сочинений африканского достоинства (т. е. гадательных книжек, снотолкователей и проч.), из коих некоторые уже напечатаны 15 изданием¹.

Книга распродавалась плохо, сплошь и рядом залеживалась у книгопродавцев, что вынуждало последних спускать цены. Еще в 1829 г., Белинский писал из Москвы в Петербург, приятелю своему, А. П. Иванову, что в Москве на сто рублей можно купить такое число книг, которое по настоящей цене стоит 500 руб.²

Твердых, фиксированных цен на книги вообще не существовало. На самых книжках они редко указывались. Цена публиковалась, обыкновенно, в объявлении о выходе книги в свет, но, с течением времени, могла варьироваться, как в ту, так и в другую сторону. В Петербурге, на местах и нам привычных, по Литейной, в Александровском и Апраксином рынках, уже появлялись букинисты, всякими правдами и неправдами, раздобывавшие книги, часто даже новые, и продававшие их по баснословно дешевым, для тех времен, ценам. Вот и иллюстрация к этому, из письма современника, 1831 г.:

„Не лишне будет, если я тебе скажу, что купил на 47 рублей 60 копеек ассигнациями

¹ Ф. Булгарин. Антикритика. „Литературные Листки“, 1824, № 1, стр. 12.

² В. Г. Белинский. Письма. Спб. 1914. Т. I, стр. 8.

следующие книги: Северные Цветы за 1825—1831 годы, Северный Архив на 1825 год, Невский Альманах на 1828 и 1830 год, Альцион на 1831 год, Наталью Долгорукую Козлова, журнал Аладьиной С.-Петербургский Вестник и журнал Соревнователь Просвещения на 1825 год. И все книжки, как с иголки чистенькие, даже не разрезанные. На толкучем рынке книжных лавок несколько десятков. Там находятся книги на всех языках и очень дешево.¹

В этом свидетельстве, конечно, самое интересное то, что даже альманахи, вышедшие в том же году („Северные Цветы“, „Альциона“), продавались букинистами по дешевке. Сравнение с номинальными ценами упомянутых изданий даст нам представление о степени ее. „Северные Цветы“ за разные годы стоили от 10 до 12 рублей, „Северный Архив“ за 1825 г.—45 р., „Невский Альманах“—10 р., „Соревнователь Просвещения“—30 р., и т. д. Таким образом, наш библиофил покупал книги в среднем с 75 % скидки.

Номинальные цены, как мы только что убедились, были действительно крайне высоки. Приведенные выше отнюдь не являлись исключением. Напомним подписные цены на наиболее распространенные газеты и журналы: „Северная Пчела“, 156 № — 50 р., „Московские Ведомости“—25 р., „С.-Петербургские Ведомости“—40 р., „Московский Телеграф“ 24 кн.—35 р., „Вестник Европы“, 24 кн.—20 р., „Благо-

¹ „Русский Библиофил“, 1911, № 2, стр. 37.

намеренный", 52 кн.—37 р., Сын Отечества", 24 кн.—45 р., „Дамский Журнал“, 24 кн.—40 р., „Отечественные Записки“, 12 кн.—30 р., „Московский Вестник“, 24 кн.—40 р.

Еще дороже расценивались альманахи, не уступавшие в ценах „Северным Цветам“ и „Альционе“. Так, „Русская Старина“ А. О. Корниловича, на 1825 г., стоила 12 р., „Московский Альманах“ Е. Аладьина 10 р. и т. д. Напомним, что все это были миниатюрные книжечки, с незначительным листажом.

Наконец, не дешевле стоили и отдельные издания русских авторов. Брошюрки, заключающие собрание стихов, либо поэму, стоили до 10 р., собрания сочинений, в 2—3 частях,—25—30 р. Дороги были и переводные произведения. Так, романы любимца читающей публики, „Сира Вальтера Скотта“, „Густав Вальдгейм“, „Маннеринг“ „Кенильворт“ и „Шотландские пуритане“, вышедшие в 1824 г., стоили первый и второй — 10, третий — 15, а четвертый — 20 р.

Все вышесказанное с совершенной очевидностью свидетельствует о том, что и без того малый читательский круг еще значительно ограничивался, вследствие дороговизны книг. Месячное жалование среднего чиновника не превышало 60—80 р., а гоголевский Акакий Акакиевич получал всего 33 р.; А. В. Никитенко до 1836 г. по университету получал 1300 р. в год. Немудрено, что редкий журнал имел более 300—400 подписчиков, а книги, обыкновенный тираж которых не превышал 1200 экз., залеживались у торговцев.

Одной из основных причин высоких цен на книги являлась общая дороговизна жизни и, в первую очередь, продуктов питания. Дешевы были только предметы первой необходимости,¹ но все, что сколько-нибудь выходило за эти рамки, что могло быть подведено под понятие „люкса“, оказывалось уже мало доступным. Так, апельсины стоили до 6 руб. десятков, лимбургский сыр, увековеченный Пушкиным, — 6 руб. 50 коп. фунт. Дороги были и зрелища. В московском Большом театре ложи стоили от 7 до 20 руб., кресло — 5 руб., стул — 3 руб. 50 коп., балкон и галерея от 50 коп., до 2 руб. 50 коп.; билет в концерт стоил 10 руб.

Напомним еще, что в 1831 г. Пушкин за квартиру в Галерной улице платил 2500 руб. в год,² а в 1836 г., за квартиру на Мойке, в доме Волконской, — 4300 руб.,³ получая в это время 5000 руб. жалованья в год.⁴

3

Соответственно со слабым сбытом книг, крайне незначительна была и вообще книжная продукция: производство регулировалось по-

¹ Мука пшеничная 3 р. 75 коп. пуд., мука крупчатая — 5 р. 25 коп., пшеница — 23 р. четверть, рожь — 8—9 р. четверть, гречневая крупа — 10 р. 50 коп., свинина — 11½ коп. фунт, говядина — 12 коп., ветчина копченая — 25 коп., коровье масло — 42 коп., соль — ок. 2 р. 50 коп. пуд., калачи и сайки — 12 коп., печеный хлеб „французский“ — 16 коп. фунт, дрова березовые с осиной, дл. 2¼ арш. — 16 р. сажень.

² ПС, XV, стр. 101.

³ ПС, XIII, стр. 95.

⁴ Н. Гастфрейнд. Документы, Сиб. 1900, стр. 300.

треблением. В начале XIX столетия, в России печаталось, в среднем, около 250 книг в год.¹ В 1825 году, — в разгар литературной деятельности Пушкина, — напечатано было 323 книги.² Во вторую четверть XIX века уже наблюдается довольно значительный рост издательства. Так, через восемь лет, в 1833 г., вышло 500 книг,³ а в 1837 г., в год смерти Пушкина, — уже около 1000.⁴

Между тем, условия для издания книг были чрезвычайно благоприятны в смысле дешевизны. Н. И. Греч хвастал, что в Петербурге печатание книг, даже на восточных языках, обходилось почти в три раза дешевле, нежели напр. в Париже.⁵ Это очень вероятно, ибо из-

¹ „Библиографические листы“ Кеппена, 1825 г., № 43, стр. 644. Интересно отметить, что тогда же во Франции появлялось около четырех с половиной тысяч книг в год.

² Там же; стр. 639—641. Кеппен приводит любопытные статистические сведения о распределении книг по отдельным отраслям знания: „1) Языковедение — 33. 2) Словесность — 133. 3) Землеописание и Статистика — 20. 4) Путешествия — 8. 5) История — 59. 6) Древности, Дипломатика и Нумизматика — 4. 7) Изящные искусства — 6. 8) Философия, Педагогика и Нравоучения — 13. 9) Богословие — 54. 10) Естествознание — 41. 11) Математика — 44. 12) Медицина — 49. 13) Правоведение — 28. 14) Политика — 8. 15) Смесь — 85. Итого — 583“ (стр. 544). Сюда включены и издания на иностранных языках. Оригинальных русских изданий в том же 1825 году вышло 208. Переводные распределялись следующим образом: с немецкого — 15, с французского — 36, с английского — 6, с итальянского — 1, с латинского — 3, с греческого — 6 (там же, стр. 645).

³ Журн. Мин-ва Народн. Просв., 1834.

⁴ „Северный Пчел“, 1837, № 216.

⁵ „Северный Пчел“, 1825, № 114.

вестны случаи приезда в Петербург иностранных исследователей, с целью печатания своих трудов.¹

В начале XIX столетия, в Петербурге, набор и печатание одного печатного листа стоили не более 50 руб., а бумага для 1200 экземпляров около 100 руб. В Финляндии, в центре бумажной промышленности, стопа хорошей бумаги стоила 16 руб., печатный лист, при тираже в 500 экземпляров, обходился в 27 руб., а при 1000 экз. — 49 руб.² Здесь любопытно то обстоятельство, что рост тиража издания почти не отражался на понижении себестоимости, что должно приписать, конечно, дешевизне бумаги. Обычный тираж издания равнялся 1200 экземплярам. Комиссионная уступка книгопродавцам выражалась, обыкновенно, в 20%.³

Институт книгоиздателей еще не существовал к началу XIX столетия. Книги издавались либо переплётчиками, либо типографчиками, либо, наконец, самими авторами, а чаще их друзьями. Только уже в начале XIX века, на заре деятельности Пушкина, выдвинулись отдельные книгопродавцы: Глазуновы, Сленин, Заикин, Лисенков, Ширяев, развившие широкие

¹ „Библиографические листы“ Кеппена. 1825, № 36, стр. 531. „В отношении к успехам книгопечатания, — писал Кеппен, — в нашем отечестве, примечательно, что в 1825 г. первый, сколько известно, иностранец приезжал в Петербург нарочно для напечатания книги. Это был путешественник Берггрен...“

² Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Под редакцией К. Я. Грота. Т. I, Спб. 1896, стр. 212.

³ „Сев. Архив“, 1823, № 5, стр. 379.

Разносчик книг и литератор.
Из журн. „Волшебный Фонарь“ 1817.

издательские операции. А к концу 20-х годов явился на сцену Смирдин.

Количество же типографий неуклонно росло, чему способствовало распечатание Павлом I частных типографий. В 1825 г. в Петербурге было уже 22 типографии, из них девять частных, в Москве — 10 типографий, из которых частных было семь. Всего в России насчитывалась 61 типография. О размерах же и размахе этих предприятий можно судить по тому, что за целый год многие из них выпускали по 3 — 4 книги, а некоторые, как частная типография И. Байкова в Петербурге и Пономарева в Москве, выпустили лишь по одной книге.¹

Росло и количество книжных лавок, значительно обгоняя емкость рынка. Поэтому книгопродавцам и „альманашиникам“ приходилось всячески хитрить и пускать пыль в глаза, дабы приворожить покупателя. Е. Аладьин, готовя в 1825 г. к печати „Невский Альманах“, в объявлениях щедро сулил произведения Пушкина, Жуковского, Крылова и других крупнейших писателей. „На маслянице появился, наконец, альманах г. Аладьиного, — сетовал журналист, — и мы не нашли в нем ни произведений И. А. Крылова, ни А. С. Пушкина, ни В. А. Жуковского...“² Это был прием весьма распространенный, жертвой которого не раз бывал Пушкин.

¹ „Библиографические Листы“, 1825, стр. 639.

² „Северная Пчела“, 1825, № 88. К этому случаю относятся иронические стихи самого Пушкина: „Примите Невский Альманах...“ и т. д.

Н. Г. Овсянников вспоминал, что его коллега, известный книгопродавец Лисенков, был замечателен рекламами о своих изданиях. „По его мнению Гомер и юноше, и мужу, и старцу дает столько, сколько кто может взять, а Александр Македонский всегда засыпал с Илиадой, кладя ее под изголовье... Про какую-нибудь ничтожную книжицу распишет Лисенков такой „хвалой высокоцарной“, что иногородние (на что и рассчитывает) выписывают очень много, а получают ерунду“.¹

Далеко, впрочем, не всегда книгопродавцы ограничивались такими невинными, по существу, приемами для распространения своих изданий. Всевозможные шарлатанские проделки, повидимому, хорошо были известны этим пионерам русской книжной торговли. Булгарин, сам достаточно известный своими спекулятивными талантами, еще находил возможным жаловаться по этому поводу: „Если книга не идет и лежит в типографии, старый заголовный лист истребляют и заменяют новым, на котором печатают большими буквами: издание второе. Критик с недоумением спрашивает: как эта книга дожила до чести второго издания? Подлог может быть обнаружен только самым тщательным микроскопическим сравнением того издания с так называемым вторым, и при этом надо употребить дельного, смысленного и опытного фактора, который мог бы доказать, что все случайности, все особенности первого издания повторились во втором“.²

¹ Материалы..., стр. 21 -- 22.

² „Северная Пчела“, 1838, № 111.

Таков был один простейший способ искусственного распространения не рентабельного издания, способ чисто практического характера. Другой способ лежал скорее в плоскости идеологического воздействия и делался возможным, вследствие тесной связи журналистов и издателей. Приведем весьма характерный пример, не нуждающийся в комментариях. В 1834 г. А. В. Никитенко записывал в своем дневнике:

„Вышел скучный роман Греча „Черная женщина“. Третьего дня я был у Смирдина. Спрашиваю:

„— Как идет роман Греча?

„— Плохо, — отвечает он, — все жалуются на скуку и не покупают.

„Вчера же Сенковский приносил ко мне для проценизурования рецензию на этот роман, где объявляет, что это новое произведение необычайного гения Николая Ивановича имеет успех невероятный, все от него в восторге и раскупают с такою жадностью, что скоро от него не останется в продаже ни одного экземпляра. Провинциалы этому поверят и, в самом деле, бросятся покупать книгу. Автор и приятель его Сенковский объявят, что роман весь разошелся, и будут выставлять это, как доказательство достоинства романа: в толпе Греч прослышет великим романистом и соберет деньги“.¹

Однако, было бы еще слишком поспешно, на основании примеров подобной изворотливости книгопродавцев заключить об умении их вести дела. Друг Пушкина, А. Н. Вульф, еще

¹ А. В. Никитенко. Записки и дневник. Спб. 1905, 1, стр. 146.

в 1842 году, поражался запутанности и полной безотчетности, безраздельно господствовавшим в их делах. Ширяев не мог отыскать требуемую книгу, изданную им самим за год перед тем. Лажечников жаловался, что он несколько месяцев промучился со Смирдиным, дабы выяснить только, кто кому должен. „После таких примеров, добавлял Вульф, — можно себе представить порядок в делах этих торговцев, и как шли их обороты.“¹

Мало того, что книгоиздатели не имели каталогов и не вели бухгалтерских книг. Самые формы сбыта подчас понимались ими весьма превратно.

„В 30-х годах, — вспоминал Овсянников, — выход какого-либо нового романа, особенно Загоскина, или какой-нибудь другой книги, составлял эпоху. На приобретение этих новостей в достаточном количестве экземпляров все тогдашние книгопродавцы, кроме Смирдина, были скупы, в особенности для московских изданий: которой книги надо было выписать 200 экз., ее выпишут 10 — 25 экз., и держат под прилавком, для своих покупателей, чтоб не показать на полке соседям. А те поступали так же, чтоб не показать тоже соседям, и друг другу не продавали таких книг, даже без уступки. Этим тормозилось все дело. Бывали случаи, что выйдет какая-либо новая книга, купить ее тотчас не решаются, но слыша постоянный спрос покупателями, купят наконец десяток, и она распродается медленно,

¹ А. Н. Вульф. Дневник. Л. Майков, Пушкин. Спб. 1898, стр. 215 — 216.

а потом сами же сетуют, что мало ее спрашивают".¹

Весьма образно описывал книгопродавческие приемы Булгарин. Позволим себе привести еще небольшой отрывок:

„Книгопродавец берет у издателя или сочинителя несколько экземпляров его книги или журнала на комиссию и продает в своей лавке, получая по двадцати процентов с рубля за комиссию. Мудрено разориться от такого рода торговли. Должно при сем заметить, что некоторые купцы по полугоду и более удерживают у себя вырученную сумму, употребляя оную на свои коммерческие обороты, тогда как издатель, в ожидании выручки, прежде выхода книги в свет, должен заплатить типографические и другие издержки".²

Немудрено, что между писателями и книгопродавцами создавались ненормальные отношения. Литераторы остряли, что так как в мире все построено на противоположностях, то и случилось так, что дураки торгуют умом и продают ум на вес.³

Таковы были, в общих чертах, те условия, в которых предстояло развиваться литературной и издательской деятельности Пушкина.

¹ Материалы..., стр. 8.

² „Северный Архив“, 1823, № 5, стр. 379. Ср. в его же статье: „Литературные листки“, 1824, № XI — XII, стр. 418—421.

³ „Новоселье“, 1846, III, стр. 495.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПУШКИНА В ПЕРИОД ССЫЛКИ

1

В начале 1820 г., еще до ссылки на юг, Пушкин задумал два отдельных издания своих сочинений, во-первых, собрание стихотворений и, потом, „Руслана и Людмилы“. Стихотворения свои Пушкин намеревался печатать, согласно распространенному тогда обыкновению, по подписке. Господство на книжном рынке переводного романа, — с одной стороны, и отсутствие профессионализации литературного труда, с другой, — обуславливали склонность писателей к собственным изданиям, и юноша Пушкин, в данном случае, следовал прочно установившемуся обычаю.

Несколько десятков билетов было уже распродано, когда поэт, по собственному признанию, „полупроиграл, полупродал“ рукопись Никите Всеволожскому, одному из ближайших друзей своей юности. Выражение „полупроиграл, полупродал“ надо понимать, конечно, в том смысле, что рукопись пошла в погашение карточного долга Пушкина, но, как скоро она, по взаимному соглашению, была

оценена выше суммы, проигранной поэтом, последний получил еще за нее от своего партнера. Интересно, что в письме к Я. Н. Толстому, ведшему в 1822 г. переговоры о приобретении рукописи, Пушкин не упоминал о проигрыше, замечая лишь, что обстоятельства принудили его продать свою рукопись Всеволожскому. Отсюда можно заключить, что поэт сам стыдился своего ветренного поступка, стараясь скрыть его от постороннего взора. Однако, в откровенном письме к Вяземскому, через два года, он снова признавался, что рукопись свою проиграл.

Так или иначе, но Пушкин за рукопись своих стихотворений получил 1.000 рублей, видимо, навсегда утратив право располагать ею, ибо еще на пятом году после этого происшествия, Всеволожский, хотя и не напечатал рукописи, оставался ее безраздельным владельцем. И это, в свою очередь, было явлением обыкновенным. Даже в тех случаях, когда авторы вступали в сделки с книгопродавцами, никакие сроки, на которые покупатель приобретал свое право, не обуславливались.

Таковы были первая торговая операция и первый авторский гонорар Пушкина. Вслед за тем, разразившаяся над ним гроза смешала все его карты и он вынужден был покинуть Петербург, оставив рукопись стихотворений в руках Всеволожского, а поэму „Руслан и Людмила“, уже заканчивавшуюся печатанием, поручить попечениям друзей.

Поэма была издана под наблюдением Льва Пушкина и С. А. Соболевского, но фактиче-

ским ее издателем оказался Н. И. Гнедич,¹ на квартире которого был и склад издания. При этом, никаких условий между поэтом и издателем заключено не было, что также являлось естественным в те времена. Писатели, частью за недосугом, частью за отсутствием издательских навыков, обыкновенно предпочитали издание своих произведений передоверять более опытным друзьям, и тогда все коммерческие расчеты предоставлялись на милость издателя.

Такой порядок вещей отнюдь не всегда шел на пользу автора. В частности, Гнедич никак не мог похвалиться добросовестностью в отношении к своим доверителям. Так, еще в 1817 г., издавая „Опыты в стихах и прозе“ Батюшкова, Гнедич заставил поэта принять на себя всю целиком денежную ответственность, на случай неуспеха издания. А когда книга вышла и принесла доход сверх всяких ожиданий, Гнедич, выручив до пятнадцати тысяч, уплатил Батюшкову всего две тысячи.

Таким же образом поступил Гнедич и с юным Пушкиным, тем более, что сам поэт был далеко и, даже при желании, не мог бы вступить за свои интересы. Поэма не принесла ему почти никакой материальной выгоды. Все издание купил книгопродавец Сленин, но деньги

¹ С. А. Соболевский свидетельствовал, что он и Л. С. Пушкин принимали большое участие в издании „Руслана и Людмилы“ („Русск. Арх.“ 1878. III, стр. 381; ср. там же 1866, стр. 1103). Видимо, это относилось только к технической стороне дела, ибо коммерческой частью ведал сам Гнедич.

выплачивал по частям и даже книгами. Об отношении к Пушкину его издателя можно судить уже по одному тому, что экземпляр книги, вышедшей в конце июня 1820 г., Гнедич удосужился выслать автору не ранее, как через восемь месяцев, и Пушкин свою поэму в печати увидел только 20 марта 1821 г.

По присущему ему в высшей степени чувству деликатности, Пушкин, в переписке с Гнедичем, ни звуком не обмолвился о недовольстве своим поведением издателя. Напротив того, в первом же письме, по получении долгожданного экземпляра, он нашел еще возможным благодарить Гнедича „за дружбу, за хвалу, за упреки“, за „участие, которое принимает живая душа ваша, во всем, что касается до меня“.

Так благородство Пушкина сумело сгладить недобросовестность Гнедича. А тот, казалось бы неожиданную благодарность обсчитанного им поэта, принял, повидимому, как нечто вполне естественное и закономерное, и считал бесспорным свое право на издание новой поэмы Пушкина. Но последний, в действительности, иначе расценил поведение своего друга и, в письме к Вяземскому, пессимистически заключал: „Меркантильный успех моей прелестницы Людмилы отбивает у меня охоту к изданиям“.¹

Между тем, у Гнедича не было оснований жаловаться. Книжка в 142 страницы, в 8-ю долю листа, продавалась по 10 руб., а на веленовой

¹ Пушкин -- Гнедичу от 2. I. 1822.

бумаге — по 15 руб. И, несмотря на эту баснословно высокую, даже по тем временам, цену, издание было распродано чрезвычайно быстро. В 1828 г., когда „Руслан“ вышел вторым тиснением, „Северная Пчела“ писала по этому поводу: „Первое издание Руслана и Людмилы... раскуплено было очень скоро. Через два года, с трудом и за большую цену можно было достать экземпляры сей Поэмы“.¹ Еще определеннее выражался тогда же „Московский Телеграф“: „Руслан и Людмила... явилась в 1820 году. Тогда же она была вся распродана, и давно не было экземпляров ее в продаже. Охотники платили по 25 руб. и принуждены были списывать ее“.²

Гнедич, однако, не считал нужным держать своего доверителя в курсе дел. Письма к Пушкину друзей этого времени, в том числе и Гнедича, не дошли до нас, но, по нечаянным намекам самого Пушкина, можно судить о том, что и те гроши, которые мудрый издатель нашел возможным уделить автору, он платил крайне неохотно, отговариваясь неаккуратностью книгопродавца. Пушкин вынужден был постоянно напоминать Гнедичу об его неписанных обязательствах. „Нельзя ли потревожить Сленина, если он купил остальные экземпляры Руслана“, — робко запрашивал издателя автор, в конце июня 1822 года, иначе говоря, в то время, как за экземпляр поэмы платили уже по 25 руб. И, видимо, не получая от Гнедича

¹ „Северная Пчела“, 1828, № 45.

² „Московский Телеграф“, 1828, № 5, стр. 77 — 78.
Ср.: „Сын Отечества“, 1828, № 7.

удовлетворительного ответа, через месяц, Пушкин обращался снова, но уже не к Гнедичу, а к брату: „Что мой Руслан? Не продается? Не запретила ли его Цензура? Дай знать. Если же Сленин купил его, то где же деньги? А мне в них нужда“. Нужда Пушкина была, действительно, велика. Тогда же Вяземский писал Ал. Тургеневу: „Кишиневский Пушкин... написал кучу прелестей. Денег у него ни гроша. Кто в Петербурге заботился о печатании его „Людмилы“? Вся ли она распродана и нельзя ли подумать о втором издании“? ¹

Трудно допустить, чтобы Пушкин мог серьезно сомневаться в успехе книги. Скорее надо предположить, что этим самым он старался не дать почувствовать Гнедичу своего взгляда на его поводенно. О том, что „Руслан“ хорошо расходуется, Пушкин не мог не знать, ибо еще прежде того, в апреле, либо в начале мая, Гнедич предлагал ему выпустить второе издание, на что Пушкин, впрочем, отвечал довольно уклончиво. ²

Он хорошо узнал подлинную цену услужливости Гнедича, и потому не имел особенного желания возобновлять с ним деловые отношения. В середине мая, задумав печатать новую поэму „Кавказский Пленник“, Пушкин предложил ее Н. И. Гречу, издателю „Северной Пчелы“ и „Сына Отечества“. „Хотел было я прислать вам, — писал он Гречу, — отрывок из моего Кавказского Пленника, да лишь пере-

¹ Остафьевский Архив, II, стр. 257.

² Пушкин — Гнедичу от 13. V. 1822.

писывать, — хотите ли вы у меня купить весь кусок поэмы? длиною в 800 стихов; стих шириною — 4 стопы — разрезано на две песни; дешево отдам, чтоб товар не залежался".¹

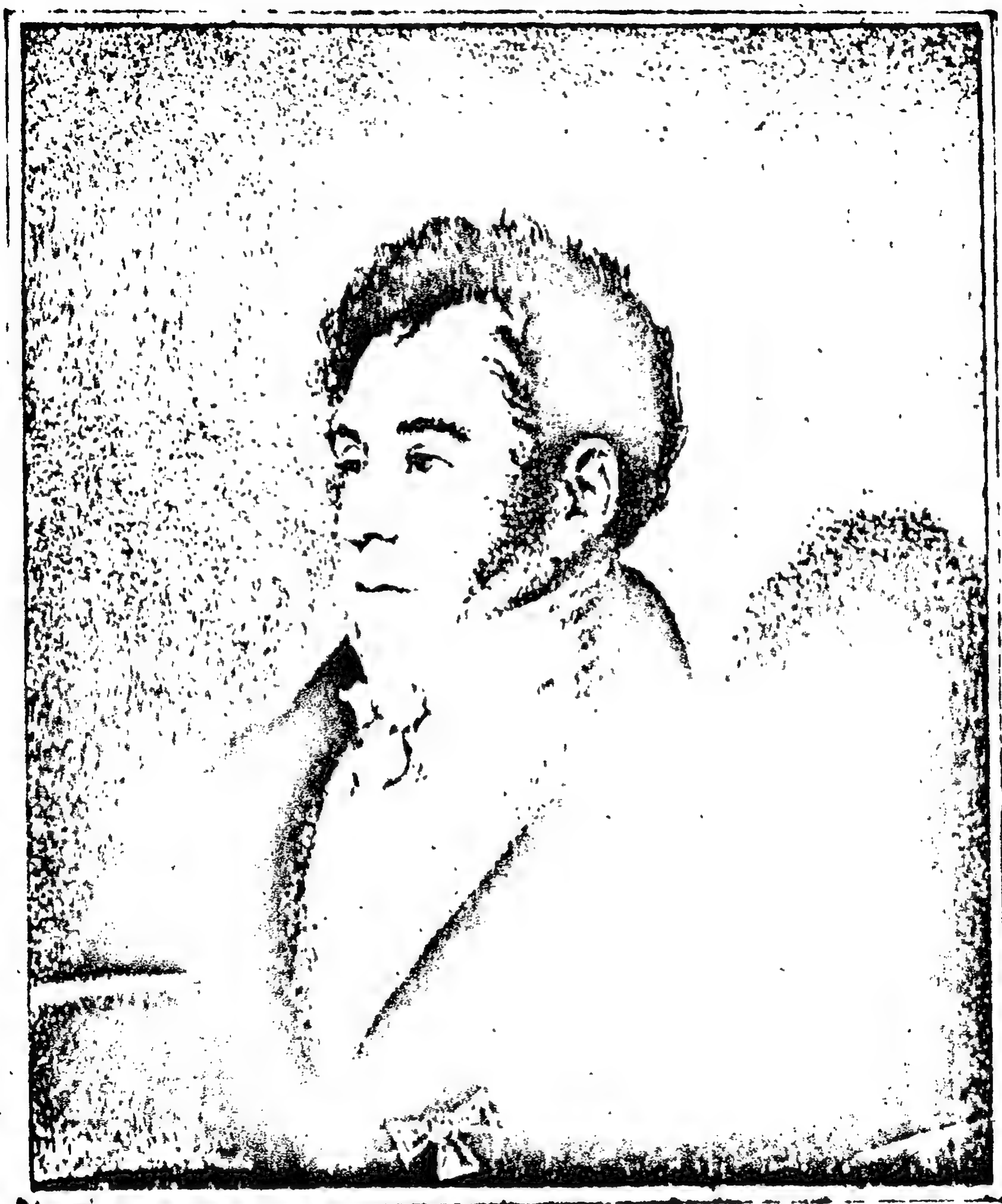
Таким образом, на первых же порах своей литературно-издательской деятельности; Пушкин уже стремился изменить каноническим приемам печатания стихотворений, чисто торговые операции с профессионалом-издателем предпочитая собственным изданиям. Приемы эти корнями своими восходили, конечно, к литературному меценатству XVIII века, а ближайшим предшественником имели деятельность писателей-дилетантов, из которых строилась литературная фаланга начала XIX века, и которые, не гонясь за материальным успехом, готовы были довольствоваться одною славой.

Сделка с Гречем не состоялась, но Пушкин еще не складывал оружия и вошел в переговоры с петербургскими книгопродавцами, однако и тут, видимо, потерпел поражение. На пути его должна была стать все та же исключительная ограниченность стихотворного рынка, что побуждало книгопродавцев слабо верить в рентабельность поэтических произведений, несмотря на успех „Руслана“.

Гнедич, между тем, разыграл оскорбленную невинность, узнав от Льва Пушкина, что брат его намерен обойтись без него при издании новой своей поэмы.² „Он прав, — деликатни-

¹ Гречу, от 21. IX. 1821.

² Заметим, однако, что в 1861 г., в письме к П. И. Бартеневу, Греч свидетельствовал, будто Гнедич сам уговаривал и убеждал его приобрести рукопись, но он

Н. М. Гусев.

чал Пушкин, отвечая брату на известие о недовольстве Гнедича, — я бы должен был к нему прибегнуть с моей новой поэмой, но у меня шла голова кругом. От него не получал я давно никакого известия; Гречу должно было писать — и при сей верной оказии предложил я ему пленника. — К тому-же ни Гнедич сомной, ни я с Гнедичем не будем торговаться и слишком наблюдать каждый свою выгоду, а с Гречем я стал бы бессовестно торговаться, как со всяким брадатом ценителем книжного ума".¹

Первые строки — естественная дань вежливости, последние — трезвый расчет. Исходя из этого расчета, Пушкин и не спешил отдаваться на милость Гнедича, а предварительно, как выше сказано, еще снесся с петербургскими книгопродавцами. Но и те не сулили ему больших выгод.² Тем временем, Гнедич всячески воздействовал на Пушкина, аргументируя к его прощенной деликатности, и, в конце концов, поэт отдал ему новую свою поэму.

Результаты были столь же неблагоприятны для Пушкина, как и при первом опыте. Соглашение с Гнедичем произошло в начале июня, и Пушкин продолжал расшаркиваться перед своим издателем: „От сердца благодарю вас

„не мог принять этого предложения“. (П. И. Барте-
нёв. Пушкин в Южной России. М. 1914, стр. 121, прим. 82.)
Трудно судить о степени достоверности этого воспомина-
ния, отделенного 40-летней давностью.

¹ Письмо от 24. I. 1822.

² Ср. Анненков. А. С. Пушкин. Материалы для
его биографии и оценки его произведений. Спб. 1873,
стр. 75.

за ваше дружеское попечение. Вы избавили меня от больших хлопот, совершенно обеспечив судьбу Кавказского пленника", — писал он ему вслед за тем, 27 июня, когда поэма уже начала печататься.¹

Но очень скоро Пушкин должен был убедиться в том, что, заодно с хлопотами, Гнедич избавил его и от большей части доходов. Автор получил от издателя 500 руб. ассигнациями и один печатный экземпляр поэмы.²

Для издателя это предприятие снова оказалось крайне выгодным. Если предположить, что „Кавказский Пленник“ был напечатан обычным тогда тиражем в 1.200 экземпляров³, то издание его не могло обойтись Гнедичу более 500 руб. Книга же снова продавалась по высокой цене — 5 руб. на любской бумаге и 7 руб. на веленовой. Если исходить даже из расчета 5 руб. за экземпляр (относя разницу в ценах за счет книгопродавческой скидки, крайне незначительной в то время); очевидно, что Гнедич заработал на издании до пяти с половиною тысяч и, следовательно, выплатив автору 500 руб., свой труд оценил в пять тысяч.

Должно быть и Пушкин, в своем кишиневском уединении, прикинул эти цифры и не мог остаться равнодушен к операциям своего издателя. Правда, он и на сей раз отнесся к нему с традиционной благодарностью, но был крайне возмущен ничтожным вознаграждением. Гнедич

¹ Цензурное разрешение дано было 12 июня.

² Анненков. Материалы, стр. 75.

³ Большие тиражи, обыкновенно, отмечались в печати

перетянул струну и навсегда утратил, в лице Пушкина, заказчика.

2

Между тем, „Кавказский Пленник“ разошелся очень быстро. В середине 1825 г. Плетнев, даже для самого Пушкина, не мог разыскать ни одного экземпляра. Но, конечно, „Пленник“ распродан был много прежде того. Уже летом 1823 г. Гнедич заговорил о новом издании, однако, на сей раз, не встретил никакого отклика в Пушкине. „Гнедич хочет купить у меня второе издание Русл. и К. Пле., — сообщал поэт Вяземскому, 19 августа, — но timeso Danaos, т. е. боюсь, чтоб он со мной не поступил, как прежде... Возьми на себя это 2 издание“.

Последнее, впрочем, не состоялось, потому, может быть, что в это время Вяземский был занят печатанием „Бахчисарайского Фонтана“. Издание откладывалось, а тем временем, в середине следующего, 1824, года, Пушкин извещал Вяземского, что ему предлагают за второе издание „Пленника“ 2000 руб., т. е. около 2 руб. 50 коп. за строчку. „Как думаешь, согласиться? — спрашивал он друга. — Третье ведь от нас не ушло“. Разница между гонораром в 500 руб. за первое издание и этой заманчивой суммой была достаточно велика, чтобы вскоре устранить всякие сомнения. Через несколько дней, 13 июня, Пушкин писал брату: „Слушай, душа моя, деньги мне нужны. Продай на год Кавк. Плен. за 2.000 рублей...“

Уже современники отмечали колоссальную роль, которую в развитии книжного рынка

сыграло, последовавшее затем, издание „Бахчисарайского Фонтана“, огромный авторский гонорар и быстрое распространение книги. Исследователи склонны были в баснословном успехе этого издания видеть решающий толчок к профессионализации литературного труда. Это безусловно справедливо. Но успех „Фонтана“ не был уже неожиданностью. Он совершенно очевидно предопределялся предшествующими изданиями Пушкина. Двухтысячный гонорар, за предположенное второе издание „Кавказского Пленника“, уже стимулировал постепенный рост как стихотворного рынка, так, вместе с тем, и авторского вознаграждения.

В упомянутом письме имеется еще одна весьма любопытная черточка. Рукопись своих стихотворений, как мы видели, Пушкин уступил Всеволожскому в пожизненное владение. В отношении „Руслана“ и „Пленника“ он поступил уже осторожнее, ограничив права издателя одним только изданием. Теперь же Пушкин намеревался, сверх того, ограничить покупателя одним годом. Так, медленно, шаг за шагом, Пушкин с бою вводил нормы авторского права.

Происшествия, последовавшие непосредственно за этими событиями, должны были несомненно вызвать у Пушкина еще большее внимание к этой стороне литературной деятельности. Еще прежде того, как Пушкин, в письме к брату, санкционировал второе издание „Кавказского Пленника“, С. А. Пушкин узнал, что петербургский почтовый цензор, Евстафий Ольдекоп, издатель „S. Petersburgische Zeitschrift“,

17 апреля получил разрешение на выпуск „Кавказского Пленника“, с приложением немецкого перевода Вульфферта.¹ Совершенно очевидно, что роль перевода сводилась к завуалированию грубой контрафакции. Ольдекоп, несомненно, расчел весьма трезво соотношение сил своих и ссыльного автора, лишенного возможности действительно встать на защиту своих прав, а прибыльность предприятия стояла вне сомнений, ибо старое издание было давно распродано.

Узнав об этом, С. Л. Пушкин подал в С.-Петербургский Цензурный Комитет прошение, ходатайствуя о том, чтобы впредь не разрешалось „печатать никаких сочинений сына его без письменного позволения самого автора, предъявленного от него издателем, или без личного его, просителя, удостоверения“. Комитет, в заседании от 7-го июля, отметил, что в цензурном уставе „нет законоположения, которое обязывало бы Цензурный Комитет входить в рассмотрение прав издателей и переводчиков“, что „ни от сочинителя сего стихотворения... ни от отца его... не было подано в Комитет прошения о запрещении печатать другим стихотворения его сына вместе с переводами их на иностранные языки“. Поэтому Комитет не усмотрел никакого правонарушения в поступке оборотистого издателя, однако же

¹ „Кавказский Пленник“. Повесть. Соч. А. Пушкина. СПб. Печатано в тип., состоящей при Особой Канцелярии Министерства Внутренних Дел. 1824. Der Berggefangene von A. Puchkin. Aus dem russischen übersetzt. St. Petersburg. 8° + 68 стр.

постановил известить Ольдекопа о прощении отца поэта „сообщением ему копии сего прощения, по содержанию которого впредь уже не позволять печатать никаких сочинений сына просителя“ без формального разрешения Пушкина, либо его отца.¹

Таким образом, в будущем Цензурный Комитет, как будто, готов был встать на защиту авторских прав ссыльного поэта, вопреки точным указаниям на этот счет в действующих законах. Однако же, в отношении первого правонарушителя, Комитет ограничился лишь правоучительной отпиской. Между тем, в „Московских Ведомостях“ появилось объявление книгопродавца Ширяева, извещавшего о продаже у него этого нового издания, откуда, очевидно, существование его стало известно Пушкину. 15 июля он писал Вяземскому: „Я было хотел сбыть с рук Пленника, но плутня Ольдекопа мне помешала. Он перепечатал Пленника, и я должен буду хлопотать о взыскании по законам“.

В конце июня, или начале июля, появившись в Петербурге, издание Ольдекопа было на некоторое время задержано, покуда вопрос о нем решался в Цензурном Комитете, но вскоре опять поступило в продажу и ранней осенью достигло Москвы. Друзья Пушкина всполошились. „Ты вероятно знаешь, — писал Вяземский 9 сентября Жуковскому, — что Ольде-

¹ Подробно см. в статье Ю. Оксмана, „Нарушение авторских прав ссыльного Пушкина в 1824 г. (По неизданным материалам)“. Пушкин. Статьи и материалы. (Одесский Дом ученых. Пушкинская Комиссия). Одесса, 1925. I.

коп перепечатал беззаконно поэму Кавказского Пленника, что Сергей Львович протестовал, что продажа была остановлена и проч. Теперь прислали в Москву на продажу. Я писал о том Шаликову (поэт, издатель „Дамского Журнала“, С. Г.), который говорил Ширяеву, который сказал, что Сергей Львович сделался с Ольдекопом и позволил ему продавать свое издание. Узнай, сделай милость, сейчас от Сергея Львовича, правда ли это. Если же нет, то пусть он немедленно напишет мне предъявительное письмо, которым я воспользуюсь для удержания продажи. Не надобно же дать грабить Пушкина. Довольно и того, что его дают. Если Сергея Львовича нет в Петербурге, ни сына его Льва, то ты можешь узнать о деле от Гнедича или Плетнева, и тотчас отписать мне, а я через Оболенского (Председ. Моск. Ценз. Комитета. С. Г.) все могу предварительно приостановить продажу“.¹

Жуковский и Дельвиг обратились за разъяснениями к Сергею Львовичу, отвечавшему, что никакой сделки с Ольдекопом он не заключал, почему следовательно, все издание противозаконно. Тогда Вяземский, находившийся в ту пору в Москве, призвал Ширяева, который объяснил, что Ольдекоп, будто бы, заплатил Сергею Львовичу за свое издание. Сомневаясь в искренности книгопродавца, Вяземский просил Пушкина выслать доверенность на приостановление продажи.²

¹ П. Бартенева. „К биографии Пушкина“. Вып. II. М. 1885, стр. 25.

² Кн. П. А. Вяземский — Пушкину, нач. X. 1824.

„Ольдекоп украл и соврал! — лапидарно отвечал Пушкин, уже из Михайловского, 10 октября. — Отец мой никакой сделки с ним не имел. Доверенность я бы тебе переслал, но погоди, гербовая бумага в городе, должно взять какое-то свидетельство в городе — а я в глухой деревне. Если можно без нее обойтись, то начни действия, единственный, деятельный друг“.

Надо полагать, что будь у Пушкина более веры в возможность осуществления своих претензий, он нашел бы средства к получению листка гербовой бумаги. Очевидно, он предвидел неудачу, даже еще и не зная, что фактически попытка его „взыскания по законам“ уже потерпела крушение.

„Научи, что делать, к кому писать, — спрашивал Вяземский Ал. Тургенева, 27 октября... — Теперь у Пушкина только и осталось, что — деревенька на Парнассе, а если ее раззорять станут, то что придется ему делать? Неужели нет у нас законной управы на такое грабительство? Остановить продажу мало: надобно, чтобы Ольдекоп возвратил уже вырученные деньги за проданные экземпляры“.¹ Но уже 6 ноября Вяземский извещал опального поэта, что приостановить продажу не представляется возможным, поскольку книгопродавцы сами являются покупателями (так, один Ширяев приобрел 200 экземпляров, что само по себе свидетельствует о материальном успехе поэмы). Следовательно, взыскивать надлежало с самого

¹ Остафьевский Архив, III, стр. 87.

издателя. В Петербурге об этом хлопотали Ал. Тургенев и Дельвиг. Последний намеревался ехать к Ольдекопу и требовать возмещения убытков. „Я поручил ему, — писал Тургенев, — постращать его жалобою начальству, если он где служит и если он, хотя экземплярами, не согласится заплатить за убыток. Ольдекоп сам нищий. Что с него взять... Авось, страх подействует там, где молчит совесть“.¹ Таким образом, требования уже умерялись, но и с получением экземпляров ничего не выходило. Со своей стороны, Вяземский рекомендовал Пушкину апеллировать к помощи Шишкова, как министра народного просвещения и старейшего литератора. „А права искать правому трудно, — сентенциозно заключал Вяземский. — К тому же у нас, я думаю и в законах ничего не придумано на такой случай и каждое начальство скажет: это не по моей части“.

Последнее было совершенно справедливо. Авторское право, как видно и из заключения Цензурного Комитета, абсолютно не было нормировано русским законодательством. Авторские привилегии, гарантировавшие от произвольных перепечаток и контрафакций, если и практиковались в России, то как эпизодическое явление, а не в форме законодательного акта.² Таким образом, автор лишался возможности прибегнуть „под сень надежную за-

¹ Остафьевский Архив, III, стр. 90.

² Ср. в статье С. А. Переселенкова, „Пушкин в истории законоположений об авторском праве в России“. ПС, вып. XI.

коня", и Пушкин хорошо расчел положение вещей. „Ольдекоп... надоел. Плюнем на него и квит“, отвечал он Вяземскому 29 ноября.

На самом деле, Пушкин помирился с этой историей не так легко и не так скоро, что лишний раз свидетельствует о том, сколь ревниво оберегал он авторские прерогативы. Эта первая настоящая плутня, жертвой которой суждено было ему; статья, задела Пушкина чрезвычайно глубоко. Очень скоро издание Ольдекопа было совершенно распродано, так что Пушкин мог приступить к новому. И все таки он не успокаивался. 14 апреля 1826 г., Плетнев писал ему: „Не стыдно ли тебе такую старину вспоминать, как дело твое с Ольдекопом. Книжки его уж нет ни экземпляра; да я не знаю, существует ли он в каком-нибудь формате. И из чего ты хлопочешь? Если хочешь денег: согласишься только вновь напечатать Кавказ. Плен., или Бахч. Фон., и деньги посылаются к тебе“.

Конечно, теперь, когда вопрос этот утратил уже всякое актуальное значение, проделка Ольдекопа интересовала и волновала Пушкина с принципиальной точки зрения, как прецедент на будущее. Поэтому письмо Плетнева несколько не успокоило его, и уже по возвращении из ссылки, 20 июля 1827 года, Пушкин подал Бенкендорфу записку о деле с Ольдекопом. Бенкендорф не торопился с ответом, и только через месяц, 22 августа, разъяснил Пушкину всю иллюзорность его надежд.

„Перепечатание Ваших стихов, — писал он, — вместе с переводом, вероятно последовало

с позволения Цензуры, которая на то имеет свои правила. Впрочем, даже и там, где найдется положительные законы на счет перепечатания книг, не возбраняется издавать переводы вместе с подлинниками". Этот последний афронт заставил Пушкина сложить оружие. Он не мог не понять, что в государстве, в котором отсутствуют „положительные законы“ на счет литературного воровства, он ничего не выиграет. Пушкин отвечал Бенкендорфу: „Если... допустить у нас, что перевод дает право на перепечатание подлинника, то невозможно будет оградить литературную собственность от покушений хищника. Повергая сие мое мнение на благоусмотрение вашего превосходительства, полагаю, что в составлении постоянных правил для обеспечения литературной собственности вопрос о праве перепечатывать книгу при переводе, замечаниях или предисловии, весьма важен“.

И несомненно, что вся эта история осталась не без влияния на пять статей об авторском праве, впервые введенных в Цензурный Устав, изданный 22 апреля следующего, 1828 года, согласно которым, между прочим, авторам предоставлялось исключительное право на продажу и издание их сочинений.

3

Мы оказались вынужденными невольно изменить хронологическому ходу событий, дабы покончить историю с перепечаткой „Кавказского Пленника“. Еще много прежде изложен-

ных происшествий, 10 марта 1824 года, появилась в свет новая поэма Пушкина, „Бахчисарайский Фонтан“.

На сей раз поэт решительно обошел своего первого издателя и поручил издание Вяземскому, которому, 4 ноября 1823 г., отправил рукопись. 17 января следующего года Вяземский известил Александра Тургенева, что поэма уже печатается.¹

Все издание обошлось Вяземскому в 500 р.² Но в пример Гнедичу, он в этом предприятии не имел никакой заинтересованности, являясь только доверенным лицом Пушкина, чем и объясняется то, что последний впервые извлек ожидаемые выгоды от своего издания. Отпечатав поэму, Вяземский стал торговать ее книгопродавцам, успевшим уже по коммерчески оценить Пушкина. Вяземский с удовлетворением извещал А. Ф. Воейкова, что „между книгопродавцами возникает брань за „Бахчисарайский Фонтан“.“³

В апрельской книжке (№ 13) „Полостей Литтературы“, Вяземский напечатал заметку „О Бахчисарайском Фонтане не в литературном отношении“, в которой сообщал, что книгопродавец Пономарев приобрел поэму за 3000 рублей, т. е. по 5 рублей за стих. Гонорар был действительно грандиозный и сообщение о нем в печати носило явно демонстративный характер. Намерение Вяземского за-

¹ Остафьевский Архив III.

² Дамский Журнал, 1824, № 9.

³ Остафьевский Архив III, стр. 38.

ключалось, конечно, в том, чтобы придать этому гонорару значение прецедента.

„Появление Бахчисарайского Фонтана, — писал он, — достойно внимания не одних любителей поэзии, но и наблюдателей успехов наших в умственной промышленности... Стих Байрона, Казимира Лавиня, строчка Вальтера Скотта приносит процент еще значительнейший: это правда. Но вспомним и то, что иноземные капиталисты выскивают проценты со всех образованных потребителей на земном шаре, а наши капиталы обращаются в тесном домашнем кругу. Как бы то ни было: за стих Бахчисарайского Фонтана заплачено столько, сколько еще ни за какие русские стихи заплачено не было. Пример, данный книгопродавцем Пономаревым, купившим манускрипт поэмы, заслуживает, чтобы имя его, еще не громкое в списках наших книгопродавцев, сделалось известным: он обратил на себя признательное уважение друзей просвещения, оценил труд ума по меру и не на вес"...

Между тем, в „Дамском Журнале“, некто И. П. поспешил дополнить историю этого издания рядом подробностей, которые могли остаться неизвестными Вяземскому. „Бахчисарайский Фонтан, — писал И. П., — куплен не книгопродавцем Пономаревым, как было сказано в 13 № „Новостей Русской Литературы“, а книгопродавцем Ширяевым. Первый... был только посредником между книгопродавцом и почтенным издателем князем П. А. Вяземским, получил за посредство 500 руб. и следовательно — не поспорит, если... имя

его заменится именем Ширяева. Ширяев выдал за рукопись 3.000 руб., принял на свой счет печатание, стоившее 500 руб., присовокупя к тому плату посреднику. Таким образом, каждый стих пришелся книгопродавцу не за пять, а почти за восемь рублей¹.

В свою очередь, „Литературные Листки“ вносили новый корректив, удивляясь, как „Дамский Журнал“ мог не знать, что в приобретении поэмы участвовал, вместе Ширяевым, еще и Смирдин.²

Расчет Вяземского оказался безупречно верен. Не случайно тот же „Дамский Журнал“ замечал, что „нынешний год был... началом нового переворота дел по книжной торговле“. Известие об этой сделке произвело должное впечатление, обойдя все почти газеты и журналы. И даже „Русский Инвалид“ счел нужным откликнуться. Извещая публику об этой замечательной сделке, газета усматривала в ней „доказательство, что не в одной Англии и не одни англичане щедрою рукою платят за изящные произведения поэзии“.³

Последнее сильно занимало и самого Пушкина. „Оевропеизирование“ отечественных книгопродавцев он также включал в круг своих ближайших задач, почему и стремился, со своей стороны, блюсти и обеспечивать их интересы. Еще прежде выхода „Бахчисарай-

¹ „Еще несколько слов о Бахчисарайском Фонтане не в литературном отношении“. „Дамский Журнал“, 1824, № 9 (май).

² „Литературные Листки“, 1825, № 3, стр. 281.

³ „Русский Инвалид“, 1824, № 59.

ского Фонтана" в свет, до Пушкина дошло известие о том, что поэма широко распространена в рукописных списках. „Благодарю вас, друзья мои, за ваше милостивое попечение о моей Славе, — писал он со злой иронией. — Остается узнать, раскупится ли хоть один экземпляр печатный теми, у которых есть полные рукописи; но это безделица — поэт не должен думать о своем пропитании, а должен, как Корнилович, писать с надеждою сорвать улыбку прекрасного пола".¹

Когда поэма была отпечатана и продана, страхи Пушкина должны были рассеяться. „Начинаю почитать наших книгопродавцев и думать, что ремесло наше не хуже другого", — замечал он в письме к Вяземскому.² Но судьба книгопродавцев, „в первый раз поступивших по-европейски", продолжала волновать поэта. В конце марта Вяземский известил Пушкина о сообщении „Благонамеренного", относительно состоявшегося в одном учёном обществе чтения „Бахчисарайского Фонтана" еще до выхода его в свет.

„На что это похоже? — возмущался Пушкин в письме к брату, являвшемуся главным проводником его еще ненапечатанных произведений. — И в П. Б. ходят тысяча списков с него — кто же после будет покупать... Но мне скажут: а какое тебе дело? Ведь ты взял свои 3.000 р. — а там хоть трава не расти. — Все так, но жаль, если книгопродавцы, в пер-

¹ Письмо Пушкина к Л. С. Пушкину, начало I. 1824.

² Письмо от 8. III. 1824.

вый раз поступившие по-европейски, обдернуться и останутся в накладе — да вперед не возможно и мне будет продавать себя с барышем... Напиши мне, как Фонтан расходуется — или запишусь в Гр. Хвостовы и сам раскупаю половину издания".¹

Опасения Пушкина оказались напрасными: издание разошлось чрезвычайно быстро,² несмотря на, опять-таки, огромную цену в 5 руб. за маленькую книжечку.³ „Литературные Листки“ Фаддея Булгарина отмечали, что „Бахчисарайский Фонтан, поэма А. Пушкина, привлекает в книжные лавки множество покупателей. Этот фонтан оживит басню о золотом дожде Юпитера, с тою только разницею, что вместо прекрасной Данаи русские книгопродавцы пользуются драгоценными камнями одного".⁴ Скорее, впрочем, в роли Данаи оказался Пушкин, нежели книгопродавцы. Последние отнюдь не остались в накладе, но и заработали не столько, сколько привык загребать Гнедич. При заводе 1.200 экз., за вычетом упомянутых расходов и скидки прочим книгопродавцам, им должно было очиститься около 1.500 руб.

Крупный гонорар и баснословный коммерческий успех „Бахчисарайского Фонтана" сыграли огромную роль в развитии книжной торговли, как мы уже говорили, и дали реши-

¹ Письмо от 11. V. 1824.

² „Северная Пчела", 1827, № 152.

³ 74 стр., из коих 6 нумерованных и 20, занятых предисловием кн. Вяземского.

⁴ „Литературные Листки", 1824, № 6, стр. 281.

тельный толчок так называемому „торговому направлению“ литературы.

Пушкин с книгопродавцами не входил в непосредственные сношения, а имел дело только с Вяземским. Если в свое время он стоически выносил бессовестную эксплоатацию, которой подвергал его Гнедич, то теперь более всего опасался „великодушничания, барствования“ Вяземского. Еще только узнав о выгодной продаже издания, Пушкин спрашивал своего издателя, сколько стоило ему печатание поэмы, и тревожно добавлял: „Ты все-таки даришь меня, бессовестный. Ради Христа, вычти из остальных денег, что тебе следует“.¹ Вяземский вычел затраченные им 500 руб., но мнительному поэту все еще казалось, что великодушный издатель обсчитал себя и, по приезде в Одессу княгини В. Ф. Вяземской, он жаловался ей на мужа. На жалобы его, Вяземский отвечал: „Ты жене соврал, когда говорил, что я с тобою барничал, я ни копейки от себя не бросил в Бахчисарайский Фонтан, клянусь честью, а напротив, кажется, жена не додала тебе нескольких рублей“.

Сущность этого, столь незначительного, повидимому, эпизода, конечно, не в фактическом положении дела, а в его принципиальной стороне. Профессионализация писательского труда должна была, как известно, притти на смену литературному меценатству и дилетантизму. Пушкин всемерно стремился к тому, чтобы заработок решительно заменил подарок,

¹ Письмо от 8. III. 1824.

плата за труд — „подачку“. В мнимом „великодушничании“ Вяземского он легко мог усмотреть слабый отголосок этого, столь ненавистного ему, меценатства, обуславливавшего полную зависимость писателя от двора, либо иных сановных покровителей искусств.

4

Подобные же опасения за привнесение дружеских чувств в деловые отношения пережил Пушкин еще раз, тогда же, в связи с новыми планами издания собрания стихотворений.¹

Еще в сентябре 1822 г., Я. Н. Толстой сообщил Пушкину о намерении кн. А. Я. Лобанова-Ростовского издать его стихотворения в Париже. Письмо до нас не дошло, почему нам неизвестны и подробности этого предприятия. Пушкину поневоле пришлось вспомнить запутанную историю своей первой рукописи. 26 сентября 1822 г. он отвечал Толстому: „Предложение князя Лобанова льстит моему самолюбию, но требует с моей стороны некоторых изъяснений — я хотел сперва печатать мелкие свои сочинения по подписке и было роздано уже около 30 билетов, — обстоятельства принудили меня продать свою рукопись Никите Всеволожскому, а самому отступить от

¹ Об истории издания стихотворений Пушкина см. П. И. Бартенев. Пушкин в южной России. М., 1914; Б. Л. Модзалевский. Я. Н. Толстой. Спб., 1899, стр. 13—15; П. Е. Щеголев. Пушкин. Спб., 1912, стр. 74—76, и особенно М. К. Клеман. Текст лицейских стихов Пушкина. „Пушк. Сборн.“ Пгр., 1922.

издания". Изложив ряд соображений своих относительно цензуры и новых стихов, Пушкин заключал письмо пожеланием повременить еще два-три месяца. „Как знать, — может быть, к новому году мы свидимся, и тогда дело пойдет на лад“.

Но дело на лад не пошло. На следующий день, 27 сентября, Пушкин писал Гнедичу, прося удержать Лобанова, „по крайней мере до моего приезда — а я вынырну и явлюсь к вам“. Пушкин не учел, либо не дооценил одного обстоятельства, а именно, что Гнедич, по каким-то, ему одному ведомым, соображениям, считал, что стихи эти принадлежат ему. Быть может, помянутым письмом Пушкин именно и хотел дать почувствовать своему первому издателю иллюзорность его ожиданий, но дело приняло совсем иной оборот. Гнедич разгласил повсюду, что рукопись была обещана ему, о чем узнал и Толстой, нашедший поступок Пушкина легкомысленным. Он написал поэту сухое письмо, с отказом от издания и, вскоре после того, в 1823 г., уехал за границу.

„Напиши ему слово обо мне, — просил Пушкин А. А. Бестужева, — оправдай меня в его глазах“.¹ Бестужев понял так, что Толстой уже приобрел рукопись, и, 3 марта 1824 г., поспешил написать ему: „Если вам не хочется издавать Пушкина — то продайте его нам, мы немедленно вышлем деньги. Он говорит, что Гнедич на сей раз распустил ложные слухи“.²

¹ Письмо от 12 января 1824 г.

² ПС, вып. II, стр. 69. Ср. Б. Л. Модзалевский. „Я. Н. Толстой“, стр. 12-15.

Но Толстой, конечно, не мог продавать не приобретенную им еще рукопись, и дело потому заглохло.

Между тем, еще много прежде того, сразу по получении предложения Толстого, Пушкин поспешил обеспечить себя в отношении Всеволожского. Он поручал брату заявиться к этому последнему и просить его повременить с продажей рукописи до следующего года. Если же окажется, что рукопись уже продана, просить покупателя временно воздержаться от ее печатания.¹ Как выяснилось, Всеволожский никому рукописи не перепродавал и никаких шагов к изданию ее не предпринял.² Это сильно упрощало дело. Поэтому, когда предложение Толстого отпало, Пушкин решил сам приступить к изданию и, так как Лев Сергеевич не торопился с исполнением поручений брата, в июне 1824 года, просил А. А. Бестужева переговорить с Всеволожским насчет рукописи. „Постарайся увидеть Никиту Всеволожского, лучшего из минутных друзей моей минутной младости. Напомни этому милому, беспамятному эгоисту, что существует некто А. Пушкин, такой-же эгоист и приятный стихотворец. Оный Пушкин продал ему когда то собрание своих стихотворений за 1.000 р.

¹ Письмо от 4 сентября 1822 г.

² Пушкин, видимо, полагал сперва, что Всеволожский сразу же примется за издание его рукописи. По крайней мере, 27 июня 1821 г., он писал брату: „Постарайся свидеться с Всеволожским и возьми у него на мой счет экземпляров моих сочинений (буде они напечатаны) розданное моими друзьями — экземпляров 30“.

ассигн. Ныне за ту же цену хочет у него их купить. Согласится-ли Аристип Всеволодович? Я бы в придачу предложил ему мою дружбу, *mais il l'a depuis longtemps, d'ailleurs ça ne fait que 1.000 roubles*".¹

Сохранилось черновое письмо Пушкина и к самому Всеволожскому, от того же времени, в котором поэт повторяет свою просьбу, добавляя: „Деньги тебе доставлю с благодарностию, как скоро выручу. Надеюсь, что мои стихи у Слепина не залежатся“.² Однако, дело подвигалось крайне медленно и еще в конце ноября, Пушкин не имел ответа от Всеволожского. Кроме того, существовало еще несколько десятков подписчиков, имена коих, конечно, давно были погребены в пыли забвения, но которые, тем не менее, никак не могли быть обойдены. Ища выхода из положения, Пушкин придумал весьма остроумный трюк. „Должно будет объявить в газетах, — писал он Вяземскому, — что так как розданные билеты могли затеряться по причине долговременной остановки издания, то довольно будет, для получения экземпляра, одного имени с адресом, ибо (солжем на всякий страх) имена всех г.г. подписавшихся находятся у издателя. Если понесу убыток и потеряю несколько экземпляров, пенять не на кого, сам виноват (это остается между нами)“.³

¹ Письмо от 29. VI. 1824.

² Письмо от 2-й половины VI. 1824.

³ Письмо от 29. XI. 1824. И действительно, по выходе издания в свет в „Северной Пчеле“ (1825, № 155) появилось следующее объявление: „В нынешнюю среду,

О приобретении права на издание хлопотал еще Заикин. Но Пушкин твердо решил сам напечатать книгу своих стихов и ответил Заикину отказом. Между тем, это предложение, видимо, было заманчивым, судя по упреку, брошенному Пушкиным брагу, в письме, извещавшем об отказе Заикину: „Еслиб я имел дело с одними книгопродавцами, то имел бы тысяч 15“. Конечно, Пушкин имел в виду не одни „Стихотворения“.

В задержках с доставлением рукописи, вероятно, менее всего виноват был сам Всеволожский. Он не только сразу согласился на просьбу Пушкина, но, очевидно, не хотел брать и той суммы, которая пошла в погашение карточного долга. Это можно заключить из слов Пушкина в письме к брату: ¹ „Всеволожский со мною шутит: я должен ему 1.000, а не 500; переговоры с ним“... Наконец, в средних числах марта Пушкин в Михайловском получил долгожданную рукопись. Он необычайно

т. е. 30 декабря, поступит в продажу на сих днях отпечатанная новая книга, под названием: Стихотворения Александра Пушкина. Получать ее можно будет у всех здешних книгопродавцев по 10 руб. экземпляр, а с пересылкою 11 руб. Это собрание должно было выйти по подписке еще в 1820 году, но издатели, по некоторым обстоятельствам, замедлили его; как по причине сей остановки билеты, выданные тогда за деньги, могут быть потеряны подписавшимися особами, то от них довольно будет для получения книжки одного имени с адресом, потому что имена г.г. подписавшихся в то время находятся у издателей. В последнем случае, благоволят обращаться с требованиями в книжный магазин книгопродавца И. В. Сленина“.

¹ Письмо от 28. VIII. 1825.

торопился, желая наверстать потерянное время, и, менее нежели через две недели, выслал ее, с добавлением новых стихов, брату, для переписки и цензурования. Но Лев Сергеевич был дурным комиссионером. Он не спешил с перепиской, а, по обыкновению своему, щеголял в салонах декламацией неслыханных стихотворений брата.

„С братом я в сношения входить не намерен, — возмущался Пушкин, в письме к Дельвигу. — Он знал мои обстоятельства, и самовольно затрудняет их. У меня нет ни копейки денег в минуту нужную, я не знаю когда и как я получу их. Беспечность и легкомыслие эгоизма извинительны только до некоторой степени. Если он захочет переписать мои стихи, вместо того, чтоб читать их на ужинах и украшать ими альбом Воейковой, то я буду ему благодарен — если нет, то пусть отдаст он рукопись тебе, а ты уж похлопочи с Плетневым“.¹ Вслед за тем, получил серьезное внушение и сам Лев Сергеевич,² и все-таки дело подвигалось крайне медленно.

Книжка, помеченная 1826 г., вышла в свет только 30 декабря 1825 года. Издавал книгу Плетнев, напечатавший ее с обычным тиражем в 1.200 экз. Интересно, что таково было желание самого Пушкина,³ очевидно, не рассчитывавшего на большой коммерческий успех своей книги. Оно и было понятно в ту пору, когда круг читателей поэтических произведе-

¹ Письмо от 23. VII. 1825.

² Письмо от 28. VII. 1825.

³ Плетнев — Пушкину, от 26. IX. 1825.

ний был до-нельзя ограничен. Успех первых трех поэм еще не убедил Пушкина в том, что рынок уже сильно вырос. Книжка, в которую вошло свыше 100 стихотворений, отпечатанная в 8-ю долю листа, заключала XII + 192 стр. Цена была опять баснословной — 10 руб. И столь же баснословен был успех издания, несмотря на то, что книга увидела свет в смутную пору, когда только что еще замерли выстрелы на Сенатской площади, а Сергей Муравьев-Апостол шел на Киев с мятежным Черниговским полком.

В течение первых трех недель, по выходе книги, к 21 января 1826 г. продано было книгопродавцам 600 экз.,¹ а еще через месяц распродано было все издание.² При этом, Плётнев, идеальный комиссионер всех великих своих современников, придумал сложную систему скидок.

„Стихотворений Александра Пушкина, — писал он 27 февраля, — у меня ужс нет ни единого экз., с чем его и поздравляю. Важнее то, что между книгопродавцами началась война, когда они узнали, что нельзя больше от меня ничего получить. Это быстрое растечение твоих сочинений вперед заставит их прежде отпечатания скупать их гуртом на наличные деньги. При продаже нынешней я руководствовался формою, которая изобретена была Гнедичем, по случаю продажи стихотворений Батюшкова и Жуковского. Вот она: 1) Покупщику, требующему менее 50 экз., нет уступки ни одного

¹ Плётнев — Пушкину, от 21. I 1826.

² Плётнев — Пушкину, от 27. II. 1826.

П. А. Плетнев.

процента. 2) Кто берет на чистые деньги 50 экз., уступается ему 10 проц. 3) Кто 100 экз., уступается 15 проц. 4) Кто 300 экз., уступается 20 проц. 5) Кто 500 экз., уступается 25 проц. 6) Кто 1.000 экз., уступается 30 процентов.

К нашему благополучию книгопродавцы наши так еще бедны или нерасчетливы, что из последних двух статей ни один не явился, и все покупали по 4-й статье“.

За вычетом обязательных и авторских экземпляров, в продажу поступило 1.130 экз. Если, как пишет Плетнев, все издание было распродано с 20% скидки, т. е. по 8 руб., валовой доход должен был равняться 9.040 руб. Пушкину же очистилось 8.040 руб., откуда можно заключить, что бумага и печатание книги стоили около 1.000 руб.

Восемь тысяч были, конечно, громадным гонораром, и если быстрое распространение книги превзошло все ожидания Пушкина, то и материальный успех издания должен был вполне удовлетворить его. Эти восемь тысяч приобретают и некоторое символическое значение, если вспомним, что пять лет тому назад, ту же рукопись сам Пушкин оценил в 1.000 руб. Совершенно очевидно, что, при калькуляции этого издания, Пушкин уже учел то обстоятельство, что стихотворный рынок, — хотя и ограниченный, по его мнению, — уже отчасти завоеван им. А это последнее не могло не отразиться благоприятно на его товарищах-поэтах.

Уже в феврале, т. е. менее чем через два месяца после выхода „Стихотворений“, Заикин

снова завел речь о втором издании, но Пушкин, проникшись опасениями Плетнева насчет того, что во второй раз цензура не будет столь милостива и снисходительна, снова уклонился от предложения. „Погодим с новым изданием, время не уйдет, все перемелется — будет мука — тогда напечатаем второе, добавленное, исправленное издание“, писал он Плетневу в начале марта.

Со вторым изданием пришлось ждать долго, но и первое, как мы видели, печаталось медленно и настолько затянулось, что 1-я глава „Евгения Онегина“ обогнала его.

5

Еще в начале апреля 1824 г., Пушкин сообщал Вяземскому: „Сленин предлагает мне за Онегина сколько я хочу. Какова Русь, да она в самом деле в Европе, — а я думал, что это ошибка географов“. Но поэт предпочел сам печатать свой роман.

Первая глава „Онегина“ была кончена за год прежде того, но Пушкин решился выдать ее в свет лишь в конце 1824 г., когда уже были написаны следующие три главы. В начале ноября он отправил рукопись в Петербург с братом, поручив ему, совместно с Плетневым, приступить к печатанию.

Здесь уместно коснуться причин, побудивших Пушкина, как при издании „Стихотворений“, так и 1-й главы „Онегина“, отказаться от своего прежнего издателя, кн. Вяземского, заслужившего, — не в пример Гнедичу, — по-

длинную благодарность поэта своим изданием „Бахчисарайского Фонтана“. Сам Пушкин, объясняя Вяземскому причины устранения его от этого дела, писал: „Не сердись, милый, чувствую, что в тебе теряю вернейшего попечителя, но в нынешние обстоятельства, всякой другой мой издатель невольно привлечет на себя внимание и неудовольствия“.¹ Под „нынешними обстоятельствами“, Пушкин разумел свое еще более пошатнувшееся положение: дело было вскоре после высылки поэта из Одессы, в глухую деревню, под надзор отца.

И нет оснований заподозрить Пушкина в неискренности или замалчивании, тем более, что ближайшие события совершенно подтвердили справедливость его опасений. Если хлопоты Льва Сергеевича по делам брата не могли показаться подозрительными, то не так дело сложилось для Плетнева: едва успел он выпустить в свет первую главу „Онегина“ и приступить к изданию „Цыган“ (вышедших только через год, в мае 1827 г.), как это участие его в делах поднадзорного поэта привлекло внимание самого государя.

9 апреля 1826 г., начальник главного штаба, бар. И. И. Дибич, в секретной записке, запрашивал с.-петербургского военного генерал-губернатора, П. В. Голенищева-Кутузова, о характере отношений Плетнева к Пушкину, на что Кутузов, 16 апреля, спешил ответить, что „г. Плетнев особенных связей с Пушкиным не имеет, а знаком с ним как литера-

¹ Письмо от 29. XI. 1824.

тор“ и, „входя в бедное положение его, помогает ему в издательских делах“. ¹ Несмотря на этот, казалось бы, исчерпывающий ответ, 23 апреля Дибич снова писал Кутузову: „По докладу моему отношения вашего превосходительства, что надворный советник Плетнев особенных связей с Пушкиным не имеет и знаком с ним только как литератор, государю императору угодно было повелеть мне, за всем тем, покорнейше просить вас, милостивый государь, усугубить возможное старание узнать достоверно, по каким точно связям знаком Плетнев с Пушкиным и берет на себя ходатайство по сочинениям его, и чтоб ваше превосходительство изволили приказать иметь за ним ближайший надзор“. ² В тот же день, отвечая Дибичу, Кутузов снова подтверждал, что особенно близкой связи между Плетневым и Пушкиным не существует, что первый наблюдал только за печатанием сочинений Пушкина, с которым теперь уже не состоит и в переписке, ³ и что секретный надзор

¹ Уже после смерти Пушкина, в конце 1838 г., Плетнев объяснял гр. Г. А. Строганову, члену Опёки над детьми поэта: „...„Пушкин, находившись по большей части вне Петербурга, то в Новороссийском краю, то в своей деревне, беспрестанно должен был писать ко мне, потому что у него не было других доходов, кроме тех денег, которые собирал я от издания и продажи его сочинений“. ПС, вып. XIII, стр. 136.

² Я. К. Грот. Лицейские товарищи и наставники Пушкина, стр. 255—256.

³ Это не соответствовало действительности и свидетельствует о дурной постановке дела с перлюстрацией писем. Судя по дошедшей до нас переписке, последнее перед тем письмо Пушкина к Плетневу было отправлено

за Плетневым установлен.¹ Если Вяземский, каким-либо путем, узнал об этой истории, он должен был, по справедливости, оценить исключительно бережное отношение Пушкина к своим друзьям, ибо, коль скоро Плетневу, в силу его совершенной благонадежности, такое правительственное внимание не могло повредить, то для Вяземского дело могло обернуться иначе.

Между тем, Пушкин всячески форсировал выход 1-й главы „Онегина“, мотивируя это своим бедственным положением. И на сей раз можно ему легко поверить, потому что с высылкой из Одессы он потерял незначительное свое жалованье, а поссорившись с отцом, вскоре после того, лишился и его поддержки. „Христом и богом прошу скорее вытащить Онегина из-под цензуры, — взывал он к брату, в декабре месяце, — деньги нужны. Долго не торгуйся за стихи — режь, рви, кромсай хоть все 54 строфы, но денег, ради бога денег!“

Плетнев не заставил его долго ждать: книжка вышла в свет в середине февраля

в начале марта. После этого, действительно, Плетнев более месяца не отвечал своему другу, и написал ему только 14 апреля, т. е. за несколько дней до рапорта Кутузова, причем, объясняя причины своего молчания, писал: „Не удивляйся, душа моя, что я целый месяц не писал к тебе. Этот месяц был для меня черным не только в году, но и во всей жизни. Сроду не бывал я болен и не пробовал, каковы лекарства, а теперь беспрестанно их глотаю через час по две ложки. Это одна-кож не помешало мне, хоть с разными изворотами; исполнить все твои комиссии.“

¹ „Русская Старина“, 1899, VI, стр. 510.

1825 г. Пушкин верил в успех своего любимого детища, и книга была напечатана двойным тиражем, в 2.400 экз. Все издание стоило Плетневу 740 руб.: бумага — 397 руб., набор и печатание — 220 руб. и переплет — 123 руб.¹ Каждый экземпляр, следовательно, обошелся издателям не многим более 30 коп., что не остановило их от назначения за маленькую книжку, содержащую 82 страницы, в 12-ю долю листа, опять-таки грандиозной цены в 5 руб.

Издание помещено было на комиссию к Сленину, выговорившему всего 10% комиссионных, под условием ежемесячного расчета. Таким образом, Пушкин должен был зарабатывать 4 р. 20 к. чистых на экземпляре, иначе говоря около 1500%.

Об ожиданиях поэта, связанных с этим изданием, можно судить наглядно по письму его к брату, вскоре после появления 1-й главы: „Читал объявление об „Онегине“ в „Пчеле“: жду шума. Если издание раскупится — то приступи тотчас к изданию другому или условься с каким-нибудь книгопродавцем“. Однако, книга расходилась не так быстро, как того хотели бы издатели. Здесь должно принять в расчет одно обстоятельство: Сленин, конечно, не мог еще более поднимать цену, а, ограниченный 10% скидкой, не имел расчета вступать в сделки с другими книгопродавцами, которым, в свою очередь, должен бы делать уступку. Плетнев очень скоро вынужден был убедиться в том, что несколько перетянул струну.

¹ Плетнев — Пушкину, от 3. III. 1825.

Книга, как выше сказано, появилась в свет около 15 февраля. За первые две недели, по 1 марта, было распродано 700 экз.,¹ цифра крайне внушительная для того времени. Но последующим комиссионным расчетам суждено было сильно разочаровать Пушкина и его доверенного: за март месяц продано было 235 экз., а затем за четыре следующих месяца, по 1 августа, — всего 161 экз. Плетнев забил тревогу. За вычетом 44 авторских и обязательных, оставалось еще 1.250 экз., т. е. более половины издания, — факт для Пушкина непривычный. Плетнев надумал спустить весь остаток издания книгопродавцам с 20% уступкой, „т. е., чтобы тебе с них за экземпляр брать по 4 руб., а не 4 р. 50 к., как было прежде“, разъяснял он Пушкину.² Вскоре после того, Плетнев извещал поэта, что предлагал книгопродавцам весь остаток „с уступкою им за все издание 1.000 руб.“³ Содержание этой предполагавшейся сделки не вполне понятно: в предшествующем письме, Плетнев сообщал о своем намерении пустить остаток издания с 20% скидки, т. е. с уступкою в 1 руб. с экземпляра. 1.000 же руб., при раскладке на 1.250 экз., дает только 80 коп. Следовательно, должно предположить одно из двух: либо в последнюю минуту Плетнев сам убоился своей щедрости (указаний Пушкина, по этому поводу, у нас не имеется), либо же эту сумму,

¹ Плетнев — Пушкину, от 3. III, 1825.

² Плетнев — Пушкину, от 5. VII, 1825.

³ Плетнев — Пушкину, от 29. VIII, 1825.

1.000 руб., он предлагал сверх 20% скидки, что, впрочем, мало вероятно.

„Никак не соглашаются, — возмущался Плетнев. — Они думают, что эта книга уже остановилась, а забывают, как ее расхватают, когда ты напечатаешь еще Песнь или две. Мы им тогда посмеемся, дуракам. Признаюсь, я рад этому. Полно их тешить нам своими деньгами“.

Расчет Плетнева оправдался только на половину: около 20 октября 1826 г. вышла II глава „Онегина“; по 1-е же января 1827 г. разошлось 500 экземпляров I главы, так что, оставалось еще 750 экземпляров.

6

Хотя Плетнев и потерпел некоторое фиаско в своей системе чрезмерного выколачивания денег, но отнюдь не пал духом и оптимизм его был вполне искренен. Подкрепил ли его необычайный успех „Стихотворений“, верил ли он вообще безоговорочно в Пушкина, — во всяком случае он сулил ему золотые горы. Сообщив поэту о положении „Онегина“, что само по себе, как будто, не располагало к оптимизму, — Плетнев предложил Пушкину целый грандиозный план издательской деятельности, чрезвычайно любопытный и не нуждающийся в комментариях, почему и приведем его целиком:

„Желаешь ли ты получить денег тысяч до пятидесяти в продолжение пяти месяцев, или даже четырех с начала сентября до конца декабря?“

Вот единственное и вернейшее средство:
 I. Пришли мне (как только возможно тебе скорее) вторую и третью песни Онегина, что бы я вместе напечатал их в одной книжке в продолжение сентября... II. Велеть Льву в половине сентября непременно отдать мне разные Стихотворения... что бы 1-го октября взял я их от Цензора и снес в Типографию. III. Приготовь оригиналы, со всеми своими давними и новыми поправками, примечаниями и проч., всех пяти поэм: Руслана, Пленника, Фонтана, Разбойников и Цыганов — непременно к 15-му октября, что бы я мог их к 1-му ноября взять от Цензора и снести в Типографию. Если это все ты в состоянии сделать, то я (отвечаю честию), не требуя от тебя ни копейки за бумагу и печатание, доставлю к 1-му генваря 1826 года... не менее 50.000 рублей... Вот и расчет мой à peu près: Я надеюсь непременно после издания 2 и 3 песен Онегина продать вдруг 1. Песни его 850 экземпляров (за вычетом процентов книгопродавцам) на 3.400 руб.

Потом: 2.000 экз. 2 и 3 песен Онегина по 4 руб. 50 к. за экз. на	9.000 руб.
Далее 2.000 экз. Разных Стих. также по 4 р. 50 к. за экз. на	9.000 руб.
Наконец 2100 экз. Поэм всех, считая хоть по 13 р. за экз.	26.000 руб.

Итого . . . 47.400 руб.

Ты уже видишь, что не много недостает до 50.000. Но я надеюсь с помощью нового

плана продажи выиграть менее уступки книгопродавцам и более сбыть вдруг экз. прямо на деньги, чем не только оплатится бумага и печатание всех этих книг, но и достанет дополнить сумму до 50.000... По новому плану моему продажи, я, по отпечатании новой твоей книги, рассылаю афиши по всем книжным лавкам, где назначится, какая уступка сделана будет, если на чистые непременно деньги возьмет у меня купец для продажи 50 экз.; если 100, если 250, если 300 и т. д. Монополии нет. Они все усердно готовы брать вдруг более, потому что больше уступки процентов. В долг никому ни экземпляра. Сверх того объявляю, что эта книга продается в такой-то квартире Плетнева, хоть для близъ живущих. На этих экземплярах мы ни копейки не теряем процентов. В Москву и другие города также на чистые деньги. Я в восторге от этой мысли высокой“.

Этот план, кроме грандиозности предполагаемых цифр пушкинских доходов, — в которых, впрочем, не было ничего невероятного, — особенно интересен еще тою внимательностью, с которою Плетнев вникал во все мельчайшие детали предстоящих операций, с тем, чтобы повысить их доходность. В самом деле, в наше время, автору, самому напечатавшему свою книгу, едва ли придет в голову, помимо книгопродавца, продавать ее еще и у себя на квартире, дабы выиграть на скидке. Но тогда, очевидно, в этом не было ничего необычайного и все эти соображения Плетнева находили отклик у Пушкина.

Последнюю статью о книгопродавческих скидках, после успеха „Стихотворений“, Плетнев еще надумал ограничить. „На будущее время, — писал он Пушкину, 27 февраля, — я отважусь предложить им одну общую статью: кто бы сколько ни брал, деньги должен вносить чистые и уступки больше 10 проц. не получит“.

Впрочем, далеко не один Плетнев так высоко расценивал материальные возможности Пушкина. Письма к нему друзей его, Вяземского, Дельвига, Александра Бестужева, полны просьб и предложений издать сочинения Пушкина. Не молчали и книгопродавцы. Так, в марте 1825 г., И. И. Пущин извещал Пушкина о желании московского книгопродавца Селивановского приобрести второе издание „Руслана“, „Пленника“ и „Фонтана“ за 12 тыс. рублей. Пушкину весьма улыбалась такая комбинация, но в это время дошел до него слух о том, что будто бы Ольдекоп повторил свою проделку. „Предложение Селивановского, за 3 поэмы 12.000 р., кажется, должен я буду отклонить, — сотовал он в письме к Вяземскому, — по причине новой типографической плутни: Бахч. Ф. перепечатан“.¹ Одновременно запрашивал Пушкин и брата: „Справься ради бога об Фонтане... эдак с голоду умру — с отцом, да с Ольдекопом“.² Страхи Пушкина оказались напрасными, но сделка, тем не менее, не состоялась.

Оговоримся, впрочем, что Пушкин отнюдь не торопился обыкновенно с изданием своих

¹ Пушкин — Вяземскому, от 7. IV. 1825.

² Пушкин — Л. С. Пушкину, от 7. IV. 1825.

сочинений, и сплошь и рядом, в переписке умерял рвение и поспешность своих друзей. Напомним: „Кавказский Пленник“ был закончен в феврале 1821 г. и только в мае следующего, 1822 г., Пушкин задумал его напечатать. „Цыганы“ пролежали в рукописи три года, в течение которых только отдельные отрывки из них появлялись в печати. „Евгений Онегин“, вопреки всем настояниям Плестнева, продолжал печататься отдельными главами, при чем между окончанием главы и сдачей ее в печать, нередко проходили год—два и более.

Такая медлительность Пушкина, на первый взгляд необъяснимая, при его склонности всячески увеличивать свой бюджет, проистекала, очевидно, от разных причин. Несомненно, на ряду с мнительностью „выкательного художника“, здесь играли роль соображения и меркантильного характера. В отношении издания „Онегина“ это последнее совершенно очевидно. Печатание его отдельными главами приносило несравненно больший доход, нежели могло дать одно полное издание. Но об этом речь впереди. Что же касается выпуска в свет отдельных поэм, то и здесь, очевидно, Пушкин имел в виду коммерческие выгоды, с одной стороны, опасаясь выбрасывать на рынок по несколько своих книг сразу, с другой стороны, предпочитая предварительно печатать свои поэмы отрывками в различныхновременных изданиях.¹

¹ Ср. в письмах Пушкина к А. А. Бестужеву от конца I. 1825 и к кн. П. А. Вяземскому, от 19. II. 1825.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДОХОДЫ ПУШКИНА В ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

1

8 сентября 1826 г., фельдъегерь доставил „прощенного“ Пушкина в Москву. Ссылная пора его жизни кончилась и впредь Пушкин приобрел возможность нести непосредственный надзор за печатанием своих произведений. Этому обстоятельству обязаны мы тем, что источники об издательской деятельности поэта, после 1826 г., еще более оскудевают.

Совершенно очевидно, во всяком случае, что материальный успех сопровождал и прогрессивно рос со все возрастающей славой Пушкина. В 1828 г. „Северная Пчела“ замечала, что „редко можно найти дом (разумеется, русский), где бы не читали произведений А. С. Пушкина, тотчас по выходе их в свет...“¹ „Московский Телеграф“ писал, что „за Пушкиным библиографическое известие едва успевает: его творения раскупают прежде нежели медлительный библиограф запишет их в реестр

¹ „Северная Пчела“, 1828, № 10 (Заметка о столичных развлечениях).

современных произведений нашей Литтературы".¹

К обычным литературным занятиям Пушкина прибавилось постоянное деятельное участие в журнале „Московский Вестник“, основанном в конце 1826 г. В создании этого журнала интересовала Пушкина, по обыкновению, и материальная сторона. Очень возможно, что по его настоянию, при основании журнала, составлены были письменные условия, согласно которым весь чистый доход поступал редактору, М. П. Погдину, помощнику редактора определялось жалование в размере 600 руб. в год, главные сотрудники, Веневитинов, Шевырев, Соболевский, Рожалин и др., имели получать по 100 руб. за лист оригинальной статьи и по 50 руб. за лист перевода. А сам Пушкин, вне зависимости от доли его участия в журнале, выговорил себе

¹ „Московский Телеграф“, 1827, ч. 17, стр. 219. Приведем для иллюстрации любопытный анекдот, характеризующий популярность Пушкина:

„Пушкин, бродя по Новочеркасску, зашел в книжную лавочку Жиркова.

— А есть у вас сочинения Пушкина? — спросил поэт.

— Есть.

— Сколько стоит книжка?

Торговец заломил невероятную цену, в 4—5 раз превышавшую номинальную.

— Почему так дорого? — улыбаясь спросил Пушкин.

— А очень уж приятная книжка. Случалось ли вам пить чай без сахара? — вдруг спросил торговец.

— Да ведь это очень неприятно.

— Ну, так вот пойдите домой, возьмите эту книжку и велите налить себе чаю без сахара. Пейте чай и читайте эту книжку — будет так же приятно, как с сахаром“.

(„Крымский Вестник“, 1900; № 57.)

10 тысяч руб. в год.¹ Сами по себе эти условия крайне показательны для того положения, которое занимал Пушкин. Если допустить, что каждый из участников журнала мог за год напечатать в среднем до 10 печатных листов, то он должен был получить 1000 руб., т. е. ровно вдесятеро меньше Пушкина.

Журнальный гонорар, в ту пору, был явлением настолько необычайным, что известие об этих условиях вызвало характерную реплику профессионала-журналиста, Булгарина, писавшего Погодину: „Объявление ваше, что вы будете платить по сту рублей за лист, есть несбыточное дело“.

Условия эти и действительно оказались, в известной степени, лишь номинальными. Был в них один пункт, сокрушивший надежды Пушкина. Согласно этому пункту, все приведенные ставки строились из расчета распродажи 1200 экземпляров журнала. „Если подписчиков будет менее 1200,—гласили условия,—то плата раскладывается пропорционально“. Журнал на первых же порах не имел ожидаемого материального успеха и издателям, при расплате, пришлось сугубо руководствоваться помянутым пунктом соглашения.

„Коммерческие соображения Пушкина удались только в половину“, — писал по этому поводу П. В. Анненков.² Это замечание едва ли можно толковать буквально, как поступил покойный Л. Н. Майков, заключивший отсюда,

¹ Ср. Барсуков, Жизнь и труды М. Погодина, т. II, стр. 46; Анненков, стр. 19, Майков, стр. 339.

² Анненков, Материалы, стр. 169.

что коль скоро Пушкину обещано было 10 тыс., а ожидания его „оправдались лишь в половину“, следственно он получил 5 тыс.¹ Шевырев, вскоре ставший соредактором Погодина, определенно свидетельствовал, что за первый год участия в „Московском Вестнике“ Пушкин получил всего 1000 руб., которую и употребил на покрытие карточного долга.²

Пушкин продолжал и впредь участвовать в журнале, при чем, в 1828 г., по свидетельству того же Шевырева, сотрудничал совершенно безвозмездно.³ Но жаловался Соболевскому: „Погодин мне писал, а я виноват — весь измучился, не отвечал еще и не послал стихов — да они сами меня обескуражили. Здесь в Петербурге дают мне (*à la lettre*) 10 рублей за стих — а у вас в Москве хотят меня заставить даром исключительно работать журналу. Да еще говорят: он богат, чорт ли ему в деньгах. Положим так, но я богат через мою торговлю стишистую, а не прадедовскими вотчинами, находящимися в руках Сергея Львовича“.

Поэт несколько не преувеличивал, вспоминая о своих десятирублевых гонорарах за строчку. Об этом есть множество свидетельств (между прочим, Н. А. Добролюбова). О том же рассказывал, недоброжелательствовавший Пушкину, бар. Корф: „Было время, когда он получал от Смирдина по червонцу за стих; но эти

¹ Майков, стр. 330.

² Майков, стр. 341. Сам Л. Н. Майков, почему-то, заключил, что эта 1000 руб. была выдана Пушкину в качестве аванса, при основании журнала (стр. 339).

³ „Москвитянин“, 1841, ч. IV, стр. 205.

червонцы скоро укатывались, а стихи под которыми не стыдно бы было подписать имя Пушкина, — единственная вещь, которою он дорожил в мире, — сочинялись не всегда и не легко“.

Здесь следует остановиться на литературном заработке Пушкина с мелких стихотворений. До 1820 г. и в первое время пребывания на юге, Пушкин не извлекал решительно никакой материальной выгоды из своего творчества. Журналы платили мало, а чаще всего и вовсе ничем не вознаграждали авторский труд, всевозможные же альманахи — и подавно. Кн. Е. П. Оболенский вспоминал, что для тогдашних литераторов „часто единственная награда состояла в том, что они видели свое имя напечатанным в издаваемом журнале; сами же они, приобретая славу и известность, терпели голод и холод, и существовали или от получаемого жалованья, или от собственных доходов с имений и капиталов“.¹

Чем большею популярностью пользовался писатель, тем чаще становился он жертвой всяческого рода проделок предприимчивых журналистов и альманашников. Подобные порядки вкоренились настолько глубоко, что борьба с ними требовала не малых усилий и времени. Блестящей иллюстрацией к тому служит происшествие, жертвой которого стал сам Пушкин. В 1829 г., М. А. Бестужев-Рюмин, без ведома автора, напечатал в альманахе „Северная Звезда“, за подписью „АП“, ряд неопублико-

¹ „Общественные движения в России в первой четверти XIX в.“, I, Спб. 1905, стр. 242.

ванных стихотворений Пушкина, притом со своими коррективами и в перемешку с чужими, да еще в предисловии принес благодарность г. АП за стихи и просил впредь г.г. неизвестных сообщать свои имена. Надо ли говорить, что ни о каком вознаграждении, конечно, и речи не было.

„Неуважение к литературной собственности сделалось так у нас обыкновенно, — негодовал Пушкин, — что поступок г. Бестужева нисколько не показался мне странным... Но когда альманах нечаянно попался мне в руки и когда в предисловии прочел я нежное изъявление благодарности издателя г-ну АП, доставившему ему (г. Бестужеву) 13 писем, из коих 5 и удостоились печати, — то признаюсь, удивление мое было чрезвычайно“.

С чудовищной эксплуатацией литераторов, господствовавшей в журнальном мире, Пушкин повел жестокую борьбу. Он, впрочем, не был одинок. С этою же целью, Рылеев и А. А. Бестужев, издатели „Полярной Звезды“, расторгли первоначальное соглашение со Слёниным и приступили к изданию самостоятельно. Авторитетный свидетель, кн. Оболенский, вспоминает, что цель их „состояла в том, чтобы дать вознаграждение труду литературному более существенное, нежели то, которое получали до того времени люди, посвятившие себя занятиям умственным“.¹

Высокие авторские гонорары „Полярной Звезды“ должны были послужить прецедентом.

¹ „Общественные движения“, стр. 242.

К тому же клонились единоличные усилия в этом направлении самого Пушкина. Характерный эпизод запомнился М. А. Бестужеву, брату издателя „Полярной Звезды“: „Александр Пушкин, присылая свой милый разговор Тани с старушкою няней, уведомляет моего брата, что условия относительно вознаграждения за напечатание этого стихотворения он может сделать через Льва Сергеевича Пушкина. Это условие с Левушкой состоялось в моем присутствии... Левушка потребовал с издателей по пяти рублей ассигнациями за строчку. И брат мой Александр, не думая ни минуты, согласился. „Ты промахнулся, Левушка“, смеясь добавил брат мой, — „промахнулся, не потребовав за строку по червонцу... Я бы тебе и эту цену дал, но только с условием — припечатать нашу сделку в Полярной Звезде для того, что бы знали все, с какою готовностью мы платим золотом за золотые стихи“.¹

И все-таки, вопреки этим высоким гонорарам, стихи приносили Пушкину значительно менее дохода, нежели отдельные издания. Много приходилось отдавать в разные сборники и альманахи безвозмездно, ибо идеи Рылеева и Александра Бестужева прививались туго. Так, десятки стихотворений Пушкина появлялись в „Северных Цветах“ Дельвига. Поэт добродушно подтрунивал над „цветочной повинностью“. Оно и действительно походило на

¹ М. И. Семевский. К биографии Пушкина. „Русский Вестник“, 1869, № 11, стр. 72. Сам Пушкин писал Вяземскому: „За разговор с няней без письма брат получил 600 р.“ (Конец IV. 1825).

повинность, ибо Дельвиг не просил, а требовал, чем иногда даже выводил Пушкина из себя. „Видел я, душа моя, Цветы, — писал поэт Плетневу, 7 января 1831 г. — Странная вещь, непонятная вещь. Дельвиг ни единой строчки в них не поместил. Он поступил с нами, как помещик со своими крестьянами. Мы трудимся, а он сидит на судне, да побранивает. Не хорошо и не благоразумно. Он открывает нам глаза и мы видим, что мы в дураках“.

„Северная Пчела“ замечала, что „стихами А. С. Пушкина наполняются и живут Альманахи, Альманачки и Журналы“. Вопреки своим частым выпадам против альманашников, Пушкин и действительно был весьма щедр в этом отношении, но сам меньше всего разживался с альманахов. Известно, как он зло набросал тип альманашника:

— Знаешь ли что? Издай альманах.

— Как так?

— Вот как: выпроси у наших литераторов по несколько пьес, кой-что перепечатай, закажи в долг виньетку, сам выдумай заглавие, да и тисни с богом!

— В самом деле! Да я ни с кем из этих господ не знаком.

— Что нужды? Ступай себе к ним; скажи им, что ты юный питомец муз, впервые вступаешь на поприще славы и решился издать альманах, а между тем просишь их вспоможения и покровительства.

— А что ты думаешь? Ей богу, с отчаяния готов и на альманах“.

Заметим, что к тому же Пушкин еще и не спешил с печатанием мелких своих произведений. Для иллюстрации достаточно привести только две цифры: за период от начала литературной деятельности Пушкина до конца 1826 г., нам известно около 300 стихотворений его (не считая несовершенных набросков, шуток и пр.), из которых лишь третья часть вошла в сборник „Стихотворений“, вышедший в это время. Известно также огромное количество стихотворений Пушкина так и не появившихся в печати при жизни автора. Препятствием к их печатанию далеко не всегда служила одна только цензура, а всего чаще та высокая взыскательность художника, которую подметил в Пушкине даже злопыхательствующий Корф, и которая, находясь в постоянной коллизии с денежными выгодами, неизменно и беспредельно господствовала над всякими материальными расчетами.

2

Между тем, издание отдельных произведений шло своим чередом, но не всегда с равным успехом. Так, ближайший после возвращения из ссылки, 1827 год, оказался вообще несчастливym в издательской деятельности Пушкина. В середине мая, наконец, появились в свет „Цыганы“. Издание их надолго задержалось. Прежде того, Пушкин имел в виду продать „Цыган“ Слёнину, о чем 4 апреля 1826 г. дежурный генерал Потапов даже докладывал И. И. Дибичу: „Поэма Пушкина Цыганы куплена книгопродавцем Иваном Слёниным и

рукопись отослана теперь обратно к сочинителю для каких-то перемен. Печататься она будет нынешним летом в типографии министерства просвещения¹.

Издание это, как известно, не состоялось и „Цыганы“ были выпущены в Москве Соболевским. Для их печатания, Пушкин употребил, по собственному выражению, „трудовые деньги, в поте лица моего выпонтированные у нашего друга Полторацкого“². Эти „трудовые деньги“ поэт рассчитывал значительно округлить, и на сей раз цена превзошла все предыдущие: книжка, заключающая 46 страниц в 12 долю листа, продавалась по 6 рублей. Эта цифра смутила даже Смирдина, горячего поклонника Пушкина: „Сочинил Цыгане и продает ее, как Цыган, — заметил он через несколько дней Б. М. Федорову. — Странно напечатано — несколько белых страниц между печатными“. „Это типографский романтизм“, — сострил Федоров.³

„Цыганы“ не имели материального успеха и плохо распродавались на первых же порах. 15 июля Пушкин жаловался Соболевскому: „Цыганы мои не продаются вовсе“. Это могло отчасти объясняться тем, что поэма частично уже была известна публике. Вначале могло играть роль и то, что Пушкин, против обыкновения, не выставил своего имени на книжке,

¹ Г р о т, стр. 255.

² Соболевскому, от 15. VII. 1827.

³ В. Вл. М а й к о в. Из дневника Б. М. Федорова. „А. С. Пушкин“. Издание журнала „Русский Библиофил“ 1911, стр. 32—33.

А. Ф. Смирдин.

С вињетки из сборника „Новосеље“.

так что неискушенный читатель мог не знать имени автора. Так или иначе, а „Цыганы“ не шли. „Твоих Цыганов ни один книгопродавец не берется купить, — отписывал Пушкину Плетнев, 22 сентября, — всякой отвечает, что у него их дескать еще целая полка старых“. С течением времени, положение не менялось. Поэма не перепечатывалась до 1835 г., когда вошла в книгу „Поэм и повестей“. Через семь лет, в 1834 г., на складах Глазунова, еще лежали экземпляры первого издания, продававшиеся с уступкою по 5 рублей.

В том же 1827 г. появилось и первое отдельное издание поэмы „Братья-разбойники“, прежде того напечатанной в „Полярной Звезде“, на 1825 год. История этой книги оказалась настолько необычайной, что до сих пор еще остается во многом загадочной.¹

„Братья-разбойники“ печатались в Москве Соболевским,² и все издание было продано московскому книгопродавцу Ширяеву, который 4 июня поместил в „Московских Ведомостях“ публикацию о продаже у него в лавке поэмы по 2 руб. Цена сама по себе была баснословной. Несообразность же ее еще более бросалась в глаза, благодаря напечатанной на задней стороне обложки цене „105 коп.“ И вот, непосредственно за этим объявлением, в тех же „Московских Ведомостях“, явилось новое, ано-

¹ Подробно см. в статье В. И. Чернышева „О двух изданиях „Братьев-разбойников“. ПС, вып. VI, откуда заимствован ряд сведений.

² О чем свидетельствовал сам Соболевский: см. „Русский Архив“, 1878. III, стр. 381.

нимное, относительно того, что в ближайшее время появится новое издание повмы, которое будет продаваться по 42 коп.

Инициатива этого объявления могла исходить только от Пушкина или его доверенного лица, т. е. Соболевского, и диктовалось оно, конечно, чрезмерно высокой ценой, назначенной жадным книгопродавцем. 9 июня это второе издание уже прошло цензуру, а 15 июня Ширяев напечатал новое объявление о продаже „Братьев-разбойников“ по 2 руб., но с оговоркой, что „по отпечатании 2 издания, продаваться будет по 21 к.“ „Такие объявления, — глубокомысленно заключала „Северная Пчела“, — смешат публику; но через них, в некотором отношении страдает личность Автора... вовсе неприкосновенного к этому делу, и даже не бывшего тогда в Москве“.¹

Однако, новое издание не поступало в продажу. Ширяев продолжал публиковать поэму по 2 руб. Надо думать, что вся любовь публики к произведениям Пушкина не могла осилить этой цены и, в середине 1828 г., Ширяев продавал книгу по 1 руб., а еще через полтора года спустил цену до 80 коп. Очевидно, что книга расходилась плохо. Наконец, в 1834 г. „Братья-разбойники“ продавались у Глазунова по 1 руб.

Вопрос о судьбе второго издания, В. И. Чернышев, в своей интересной статье, как будто, оставлял открытым. Он объяснял весьма правдоподобно что, если недобросовестность книгопродавца, на 100% поднявшего цену, могла

¹ „Северная Пчела“, 1827, № 101.

выявлять у Пушкина мысль о новом дешевом издании, то самое осуществление этого проекта, заранее обреченного проделкой Ширяева на материальный провал, при денежных затруднениях поэта, было делом не легким для Пушкина.

Что же было с этим вторым изданием? Между тем, достоверно известно, что это издание, — ничем почти, кроме цены, не отличавшееся от первого, — напечатано было. Следовательно, оставалось сомнительным только то, поступило ли оно в продажу. Судя по объявлениям Ширяева уже можно было заключить, что 2-е издание в продажу не поступало. А совсем недавно, явилось неожиданное подтверждение этой догадки. Года три назад, один московский букинист приобрел у С. И. Киреевского, сына известного славянофила, проживавшего в своем подмосковном имении, свыше 900 экземпляров этого 2-го издания, представлявших собой один сфальцованный книжный лист, без обложки.¹

Поскольку трудно допустить, чтобы в описанных выше условиях Пушкин и Соболевский

¹ Семен Богдановский. Об изданиях „Братьев-разбойников“, ПС, вып. XXXI—XXXII, стр. 147—148.

Издания эти исследователями считались совершенно тождественными. П. В. Анненков назвал 2-е издание „точно таким же“ (Сочинений Пушкина. СПб. 1855, т. III, стр. 543). Н. А. Ефремов заметил, что 2-е издание отличалось от 1-го только ценою. (Сочинений Пушкина. СПб. 1905, т. VIII, стр. 391.) Такого же мнения был В. И. Чернышев. (ПС., вып. VI, стр. 133.) Это не совсем так. Хотя шрифт обоих изданий одинаков, но 1-е занимает 16 стр., тогда как 2-е лишь — 15. 1 стр. выигрывается, в последнем случае, благо-

решились печатать это 2-е издание с тиражем более 1000—1200 экземпляров, остается предположить, что издание в продажу не поступало и даже не было доведено до конца. Чем же объясняется этот факт? На этот вопрос едва ли возможно ответить с полной определенностью, ибо ни в переписке Пушкина, ни в переписке его друзей не встречается по сему предмету никаких указаний. Очевидно, что в данном случае имела место, опять-таки, какая-то недобросовестная проделка Ширяева. Последний мог, например, через подставное лицо скупить на корню и это издание и оставить его в типографии, что очень вероятно, ибо выход его грозил Ширяеву потерей 1 руб. 80 коп. на экземпляре. Самый же тот факт, что Пушкин,

даря сокращению пробелов между абзацами. Различна и пунктуация обоих изданий. В некоторых случаях это, видимо, попросту опечатки, в иных — несомненно, след редакторской правки самого Пушкина. Приведем наиболее существенные примеры:

стр.

6. Иные чутко засыпают;

7. Булатный нож да
темну ночь:8. Вошли — все даром:
пьем, едим,9. В забвеньи, жаркой
головоюСклоняясь к моему
плечу11. И кнут и грозных
палачей14. „И хлынула на волны
крош;Он утонул — мы
в воду вновь.

стр.

6. Иные чутко засыпают:

7. Булатный нож да
темну ночь:8. Вошли — все даром:
пьем, едим.9. В забвеньи жаркой
головоюСклоняясь к моему
плечу.11. И кнут, и грозных
палачей13. И хлынула на волны
крош.14. Он утонул — мы
в воду вновь;

столь детально всегда обсуждавший в переписке с друзьями вопросы, связанные с изданием его сочинений, на сей раз хранил гробовое молчание, — представляется крайне загадочным.

Так обстояло дело с самостоятельными предприятиями Пушкина. Но в том же 1827 г. он впервые прибегнул уже и к услугам профессиональных издателей, продав А. Ф. Смирдину второе издание первых двух своих поэм, давно распроданных, за 7 тыс. руб.¹ Гонорар этот был, конечно, весьма внушителен для второго издания (около 2 руб. за строчку). Книги вышли в свет в первой половине 1828 г. А за несколько месяцев перед тем явилось новое издание „Бахчисарайского Фонтана“, встреченное горячими приветствиями прессы. „Издание сие заменяет недостаток, давно уже чувствуемый любителями изящной поэзии“ писала „Северная Пчела“.² Должно заметить, однако, что эти вторые издания распродавались уже не столь быстро. По крайней мере, в объявлении об имеющихся в продаже произведениях Пушкина, напечатанном на обложке, изданных в 1834 г., „Повестей Белкина“, читаем: „...III. Руслан и Людмила, с портретом автора — 12 руб. IV. Кавказский Пленник — 5. V. Бахчисарайский Фонтан — 5“. Последняя поэма, впрочем, в 1830 г. выпущена была уже третьим изданием, из чего можно заключить, что и второе имело полный материальный успех.

¹ А н н о н к о в. Материалы, стр. 75.

² „Северная Пчела“, 1827, № 152, стр. 1. Ср.: „Московские Ведомости“, 1827, № 151, стр. 4214.

Впоследствии, все первые три поэмы вошли в, изданное в 1835 г. тем же Смирдиным, двухтомное издание „Поэм и Повестей“ Пушкина.

Тогда же, в 1828 г., напечатан и „Граф Нулин“. Поэма была написана в декабре 1825 г. В это время Пушкин и Плетнев носились с мыслью об издании собрания поэм, и Пушкин, в начале марта 1826 г., писал Плетневу: „Знаешь ли, уж если печатать что, так возьмемся за Цыганов... В собрании же моих поэм, для новинки, мы поместим другую повесть вроде Верро, которая у меня в запасе“. Однако, издание это не состоялось, и через год первые тридцать стихов „Нулина“, без подписи автора (и, вероятно, без гонорара), появились в „Московском Вестнике“. ¹ Вслед затем, вся поэма напечатана была в „Северных Цветах“ Дельвига на 1828 год, конечно, безвозмездно. Поэт, однако, спешил вознаградить себя за убытки, понесенные в результате этой дружеской филантропии. В 1828 г. „Граф Нулин“ был перепечатан в одной книжке с поэмой Боратынского „Бал“. Брошюрка эта продавалась по 3 руб., несмотря на что издание имело полный материальный успех. Пушкин сам вспоминал относительно „Графа Нулина“, что „в свете его приняли благосклонно“. Анонимный сатирик из „Дамского Журнала“ напечатал даже беззубую эпиграмму, по поводу незаслуженного, на его взгляд, успеха книжки:

Два друга, сообщась, две повести издали,
Точили балы в них и все нули писали:

¹ „Московский Вестник“, 1827, ч. 1, № 4, стр. 251

Но слава добрая об авторах прошла,
И книжка вдруг раскуплена была.
Ах, часто вадор плетут известные нам лица
И часто к их нулям мы ставим единицы.¹

Об успехе „Нулина“ можно судить также по тому, что вскоре понадобилось выпустить в продажу еще и отдельные оттиски поэмы. Интересно, что, несмотря на отсутствие в оттисках произведения Боратынского, Пушкин не почел нужным уменьшить цену. Оттиски стоили те же 3 руб.

Напомним, наконец, что в 1829 г., тем временем, как поэт странствовал за Кавказом, явилась в свет „Полтава“, встретившая весьма холодный прием у публики и чрезвычайно резкий — у критики.

3

За всеми этими издательскими операциями Пушкина, крупными и мелкими, стояло на всем протяжении второй половины 1820-х годов издание „Евгения Онегина“. Материальная роль его в жизни Пушкина несравненна. Совершенно очевидно, что издание романа отдельными, маленькими книжками диктовалось чисто меркантильными соображениями. Плетнев постоянно понуждал поэта прилежнее работать над романом, доказывая, что „это вернейший капитал“. Пушкин не нуждался в подобного рода внушениях. Он сам отлично учитывал материальные возможности „Онегина“. Недаром, много позднее, уже в 1835 г., собираясь вновь вернуться к оставленному роману, поэт

¹ „Дамский Журнал“, 1829, кн. 4, стр. 56.

замечал в черновых набросках „послания к Плетневу:

Ты мне советуешь, Плетнев любезный,
 Оставленный роман мой продолжать...
 Ты думаешь, что с целию полезной
 Тревогу славы можно сочетать,
 А для того советуешь собрату
 Брать с публики умеренную плату, —
 За каждый стих по десяти рублей:
 Составит, стало быть, за каждую
 строфу сто сорок —
 Оброк пустой для нынешних людей.
 Пустое! всяк то даст без отговорок.
 С книгопродавца можно взять, ей-ей!

И вслед затем, в черновых набросках к новой главе, пожалуй, еще выразительнее:

Вы говорите: слава богу
 Покамест твой Онегин жив
 Роман не кончен — понемногу
 Пиши ж его: не будь ленив...
 С почтенной публики меж тем
 Бери умеренную плату,
 За книжку по 5 рублей,
 Неужто жаль их будет ей?

Эти пятирублевые книжечки являлись, до некоторой степени, яблоком раздора между Пушкиным и Плетневым. Мы видели уже выше, что Плетнев намеревался, после издания 1-й главы, понизить несколько цену следующих, но Пушкин не санкционировал этого предложения, продолжая выдавать „Онегина“ в свет отдельными главами, тогда как Плетнев был решительно против этого. У обоих был свой коммерческий расчет. Плетнев, непосредственно руководивший изданиями, опасался за распро-

странение; Пушкин же весьма здраво рассуждал, что если каждую отдельную главу можно продавать по 5 руб., то все восемь глав, заключенных в одной книге, никак не удастся продавать за сорок.

Опасения Плетнева были, однако, справедливы, как мы уже видели выше. Но и впоследствии не все шло гладко. Вторая глава „Онегина“, по поручению Пушкина, печаталась в Москве Соболевским и была выпущена во второй половине октября 1826 г., но приключилось с ней нечто такое, благодаря чему третья глава, печатавшаяся в Петербурге Плетневым, поступила в продажу прежде, нежели вторая успела достигнуть столицы. Видимо, виною была нераспорядительность Соболевского. „Где Онег. 2 часть? — возмущался Пушкин. — Здесь ее требуют. Остановилась даже и продажа и других глав“. И вслед затем снова: „Если бы ты просто написал мне, приехав в Москву, что ты не можешь прислать мне 2-ю главу, то я без хлопот ее бы перепечатал: но ты все обещал, обещал — и, благодаря тебе, во всех книжных лавках, продажа 1-ой и 3-ей глав остановилась. Покорно благодарю“.

Заметим, кстати, что эта вторая глава и вообще была несчастливой для поэта. Очевидно, ее постигла участь рукописи стихотворений Пушкина 1820 г. Поэт И. Е. Великопольский, в одной из своих сатир, писал, что

Он очень помнит, как сменяя
Былые рубрики в кисе,
Глава Онегина вторая
Съезжала скромно на тузе;

намекая, конечно, на то, что рукопись была проиграна автором в карты. Пушкин возмутился и возражал Великопольскому: „Я не проигрывал 2-й главы, а ее экземплярами заплатил свой долг“. Но по сути своей, дело мало менялось от этого разъяснения.

Плетневу, упорно настаивавшему на скорейшем печатании „Онегина“, инцидент, происшедший с задержкой второй главы, был как нельзя более на руку. Чтобы как-нибудь заставить Пушкина поторопиться с изданием „Онегина“, он даже попытался прибегнуть к злому сарказму. „Ничто так легко не дает денег, как Онегин, выходящий по частям, но регулярно через два или три месяца, — писал он Пушкину 22 сентября 1827 г. — Это уже доказано *a posteriori*. Он, по милости божией, весь написан. Только перебелить, да и пустить. А тут-то у тебя и хандра. Ты отвечаешь публике в припадке каприза: вот вам Цыганы: покупайте их! А публика, на зло тебе, не хочет их покупать и ждет Онегина, да Онегина. Теперь посмотрим, кто из вас кого переспорит. Деньги ведь у публики: так пристойнсс, кажется, чтобы ты ей покорился, по крайней мере до тех пор пока не набьешь карманов“.

Толки журналистов, осуждавших медленность, с которою печатался роман, еще укрепляли позицию Плетнева. Результатом всего этого явилось следующее предисловие к III главе:

„Первая глава Евгения Онегина, написанная в 1823 г., появилась в 1825 г. Спустя два года издана вторая. Эта медленность произошла от посторонних обстоятельств. Отныне

издание будет следовать в непрерывном порядке: одна глава тотчас за другою“.

Но, наученный горьким опытом, Плетнев сам плохо верил в возможность исполнения этого обещания. „Следующую главу вышли мне без малейшего замедления, — упрашивал он Пушкина... — Хоть раз потешим публику оправданием своих предуведомлений. Этим захотим покупателей“. И вскоре затем опять: „Очувствуйся: твое воображение никогда еще не создавало, да и не создаст, кажется, творения, которое бы такими простыми средствами двигало такую огромную [сумму?] денег, как... Онегин. Он... не должен выводить [из терп?]-ения публики своею ветренностью“. Плетнев уговаривал Пушкина „переписать 4-ю главу Онегина, а буде разохотишься и 5-ю, чтобы не с тоненькою тетрадкою итти к цензору“.

И на сей раз, Пушкин уступил настояниям друга: IV и V главы были напечатаны в 1828 г., в одной книжке.¹ Впрочем, Пушкин не намеревался терять на этом, и книжка продавалась по 10 руб. Следующая, VI глава вышла вскоре после того, в том же 1828 г., а последние две главы печатались опять-таки и, вопреки всем обещаниям и настояниям Плетнева, с большими перебоями: VII глава напечатана была

¹ Едва ли справедлив рассказ А. М. Загряжского, записанный Н. П. Кичевым („Русск. Стар.“, 1874, т. IX, стр. 564), будто бы Пушкин только что оконченную V главу проиграл в карты Загряжскому. Может быть, речь идет о той же II главе. Иначе в переписке поэта, или в иных источниках, сохранился бы какой-нибудь след этого, ибо, в таком случае, Пушкину пришлось бы выкупать рукопись, чтобы потом самому ее напечатать.

лишь в 1830 г., и „Северная Пчела“ тогда же писала, по поводу ее появления: „В известии о новой книге: Евгений Онегин, глава VII, мы, противу обыкновения, не выставили цены сего сочинения. Спешим поправить ошибку. VII глава Онегина стоит 5 рублей. За пересылку предлагается 80 к. Все поныне вышедшие семь глав, составляющие, в малую 12 долю, 15 печатных листов, стоят без пересылки 35 руб.“¹

Лапидарность этого сообщения — крайне красноречива и была весьма метко. Это было уже не первое нападение на Пушкина, вызванное высокими ценами его произведений, — о чем нам подробно еще придется говорить, — но поэт слабо реагировал на подобные выпады, и VIII глава, появившаяся только в 1832 г., стоила те же 5 рублей.

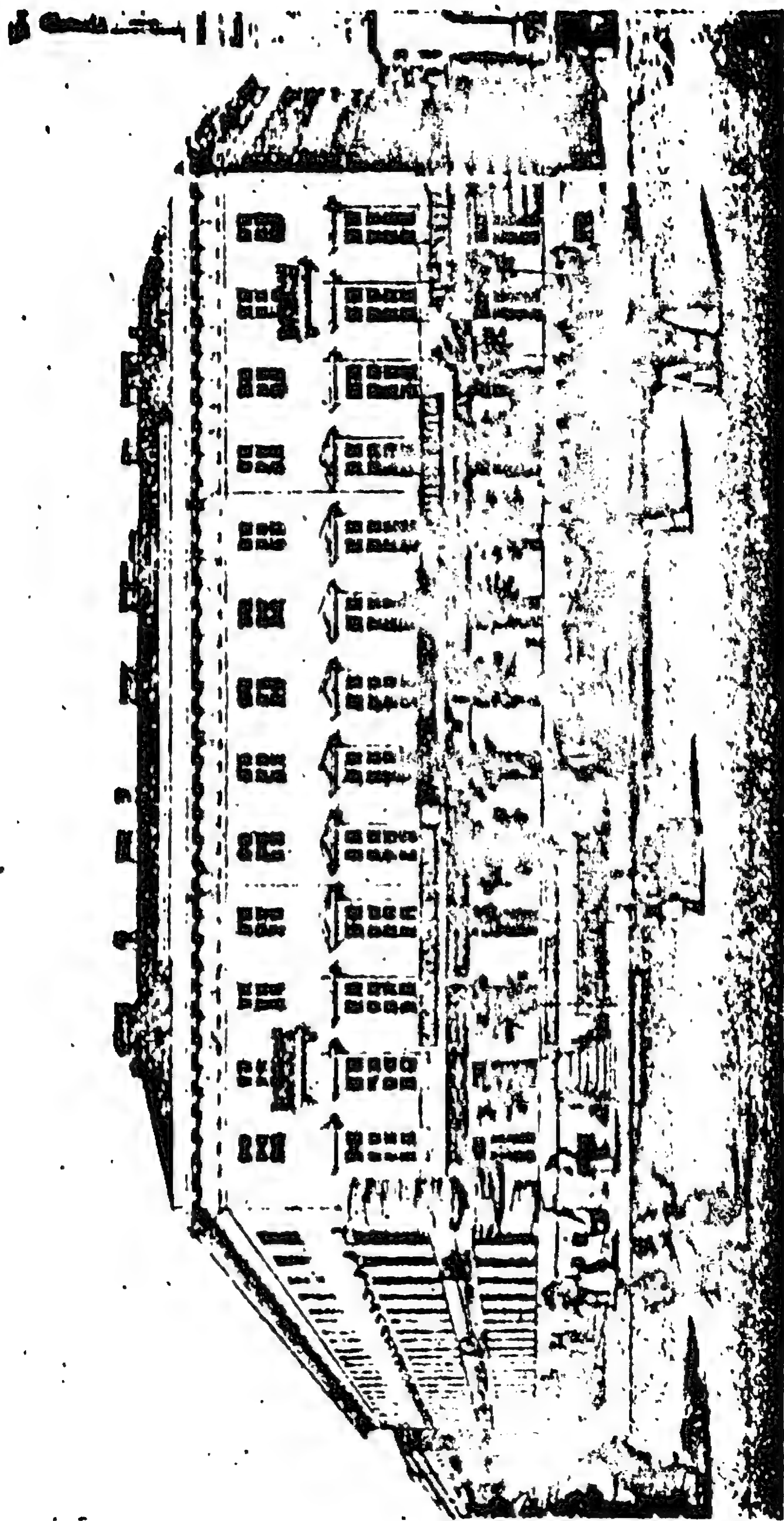
Не успела еще явиться в свет последняя глава романа, когда Пушкин приступил уже ко второму изданию. Первая глава перепечатана была в 1829 г., в 1830 г. — вторая, и т. д.

Расчеты Пушкина, связанные с „Евгением Онегиным“, блестяще оправдались: продажа отдельных глав романа принесла ему в общем не менее 25 тысяч чистого дохода. И след затем Пушкин получил еще от Смирдина 12 тысяч за право на первое отдельное издание „Онегина“.²

¹ „Северная Пчела“, 1830, № 40 (Смесь).

² Анненков, Материалы, стр. 185. Издание это появилось в 1833 г. Сообщая о нем, „Северная Пчела“ (1833, № 66) воспользовалась случаем еще раз уколоть Пушкина за дороговизну отдельных глав:

„Евгений Онегин. Роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. СПб. 1833,

«Библиотека для Чтения» А. Ф. Смирдина.

Деталь «Панорамы Невского Проспекта» Садовникова (Из собрания Ленинградской Публичной Библиотеки).

Сколько ни радел Пушкин о своих материальных выгодах, Плетневу все еще казалось этого мало, и он постоянно упрекал друга за лень и за легкомыслие в делах коммерческих. Еще в 1827 г., извещая о растущем спросе на старые поэмы и стихотворения Пушкина, давно распроданные, Плетнев доказывал, что „продать издание какому-нибудь книгопродавцу значит разделить с ним пополам свое имение“. Надлежало, по мнению Плетнева, скопив денег на издании „Онегина“, приступить с будущего года к новому изданию, типа собраний сочинений.¹ Проект не состоялся. В 1827 г., как сказано выше, явилось новое издание „Бахчисарайского Фонтана“, а в 1828 г. — „Руслана и Людмилы“ и „Кавказского Пленника“. Все эти издания, в силу естественной ограниченности книжного рынка, распродавались уже не столь быстро.

Между тем, как будто не считаясь со всеми этими обстоятельствами, Пушкин, в начале 1829 г., вероятно, в связи с возможною переменой в его личной жизни, требовавшей увеличения бюджета, — вернулся к старой мысли Плетнева и задумал издать трехтомное собрание своих сочинений, с тем, чтобы в первые

в тип. А. Смирдина, в 8°, 287 стр. Поспешаем известить любителей отечественной словесности, что Евгений Онегин, коего главы были изданы отдельными книжками, ныне напечатан особо, вполне. Радуетесь за всех читателей“.

¹ Плетнев — Пушкину, от 22. IX. 1827.

два тома вошли старые поэмы, а в третий — стихотворения. Плетневу пришлось охлаждать пыл своего друга, доказывая малые шансы на успех такого издания. В самом деле, едва ли можно было рассчитывать на распространение первых двух томов, в то время, как произведения, долженствовавшие в них войти, непосредственно перед тем были выпущены отдельными книгами. С присущим ему практическим хладнокровием, Плетнев писал Пушкину: „Если уж действительно надобно такое издание, то приготовь к тому времени или две новые трагедии, или две новые поэмы, или что-нибудь большое в двух частях. Тогда мы и напечатаем так: в I томе все тобою предполагаемое, да штуку новую, во II томе опять все прежнее, да новую штуку, в III новостию будет Годунов. Таким образом мы по 15 руб. возьмем с публики за каждую новую штуку, а в знак признательности нашей и благодарности ей подарим все прежнее безденежно“.¹

При всей видимой заманчивости этого проекта, Пушкин, конечно, менее всего способен был, по имя Мамоны, сочинять по заказу поэмы и трагедии. Сам Плетнев относился к этому предприятию критически, замечая, что в этом он не видит „цели, которая по логике должна состоять или в славе, или в деньгах, или сугубо. Ты же вернее достиг до всего по прежнему, — заключал он, — т. е. с меньшими усилиями: а зачем такая сложность в машине?“ В конце концов, замысел их претворился в из-

¹ Плетнев — Пушкину, от 29. III. 1829 г.

данно четырехтомного собрания стихотворений, первые две части которого явились в свет тогда же, в 1829 г., третья — в 1832 г. и четвертая — уже в 1835 г.

5

6 апреля 1830 г. Пушкин стал женихом. В корне менявшаяся жизнь настоятельно требовала каких-то новых мероприятий в области материального обеспечения. Литературные доходы его были велики, но имели один весьма существенный недостаток, а именно отличались абсолютной неопределенностью, почему и нельзя было на них строить бюджета.

Пришлось Плетневу придумывать новые комбинации. Эта перемена в судьбе друга застала его врасплох, за что он и пенял поэту, в письме от 29 апреля: „Ты давно должен был сказать мне... чтобы я заранее принял меры улучшить денежные дела твои. Ты этого не хотел; так пеняй на себя, если я, по причине поспешности, не мог для тебя сделать чего-нибудь слишком выгодного“. Тем не менее, Плетнев уже заручился конкретным предложением: Смирдин желал приобрести на четыре года право переиздания всех ранее вышедших сочинений Пушкина, соглашаясь уплачивать за это по 600 руб. ежемесячно.

Плетневу такое предложение казалось недостаточно выгодным, но оно имело и свои преимущества, обеспечивая автора от разного рода контрафакций и иных издательских проделок. „Книжечки-то наши такие крошки, — замечал Плетнев, — каких не трудно наделать

всякому хозяину типографии в день до нескольких сотен". Пушкин же мог произвольно увеличивать свой доход печатанием новых произведений.

Условия были заключены. Пушкин спешил ответить Плетневу: „Заключай условия, какие хочешь — только нельзя ли вместо 4 лет 3 года — выторгуй хоть 6 месяцев. Не продать ли нам Смирдину и Трагедию?“

Трагедия, — т. е., конечно, „Борис Годунов“, — и точно была продана Смирдину за 10 тыс.¹ Книга вышла в самом конце 1831 г.,² и, несмотря на высокую цену и разноречивые толки журналистов, имела огромный материальный успех. Об этом можно судить по замечанию „Литературной Газеты“, сообщавшей, что в первое же утро по выходе книги, было распродано, по свидетельству книгопродавцев, в одном Петербурге до 400 экземпляров, на 4.000 руб. Напомним, что, несколько десятков лет тому назад, годовой оборот книжной лавки немногим превышал эту цифру. „Это доказывает, — заключала „Литературная Газета“, — что неприветливые журналисты напрасно винят нашу публику в равнодушии к истинно хорошему в нашей литературе и вообще ко всему отечественному“.³

600 руб. в месяц, платимые Смирдиным, были немалые деньги, но и расходы были

¹ Плетнев — Пушкину, от 25. VII. 1831.

² По свидетельству М. П. Погодина, ее „удерживали в канцелярии, пока не вышел „Самозванец“ Булгарина“. Барсуков, III, стр. 15.

³ „Литературная Газета“, 1831, № 1.

велики, а Смирдин платил не слишком аккуратно. От крепостных доходов, крайне незначительных, Пушкин к этому времени совсем отказался.¹ Все это побуждало его сугубо заботиться о своих литературных доходах, являвшихся единственным источником существования.

В начале июля 1831 г., отрезанный холерными карантинами в Царском Селе, Пушкин переписал для печати „Повести Белкина“ и спрашивал Плетнева: „Что прикажешь с ними делать? печатать ли нам самим, или торговаться со Смирдиным?“² Плетнев склонялся к мысли обойтись без книгопродавцев, но издание поневоле несколько откладывалось, ибо холера держала и его за пределами Петербурга. Между тем, во второй половине июля, Пушкин уже спешил представить ему конкретные предположения свои на этот счет:

„Я такого мнения, что эти повести могут доставить нам 10.000, и вот каким образом

2000 экз. по 6 р. — 12.000.

1000 за печать.

1000 процентов.

Итого . . . 10.000 “.

Пушкин учитывал, очевидно, большую рентабельность прозы, почему и счел возможным увеличить тираж до 2 тыс., а соответственно наметил предположительно сравни-

¹ Ср. П. Е. Щеголев. „Пушкин и мужики“.

² Плетневу, от 8. VII. 1831.

³ Плетневу, от 2-й половины VII. 1831.

тельно невысокую цену в 6 руб. за экземпляр. Книгопродавческая скидка, видимо, должна была равняться 10⁰/₀. По расчету Пушкина выходит немногим более 8⁰/₀, но, вероятно, он принимал во внимание и те экземпляры, которые, согласно системе Плетнева, будут продаваться непосредственно из квартиры издателя, без всякой скидки. Вслед затем, однако, Пушкин, в новом наставлении Плетневу, уже несколько изменил своим первоначальным планам:

„Правила, коими будем руководствоваться при издании, следующие:

1) Как можно более оставлять белых мест и как можно шире расставлять строки.

2) На странице помещать не более 18-ти строк.

.

6) Смирдину шепнуть мое имя, чтоб он перешепнул покупателям.

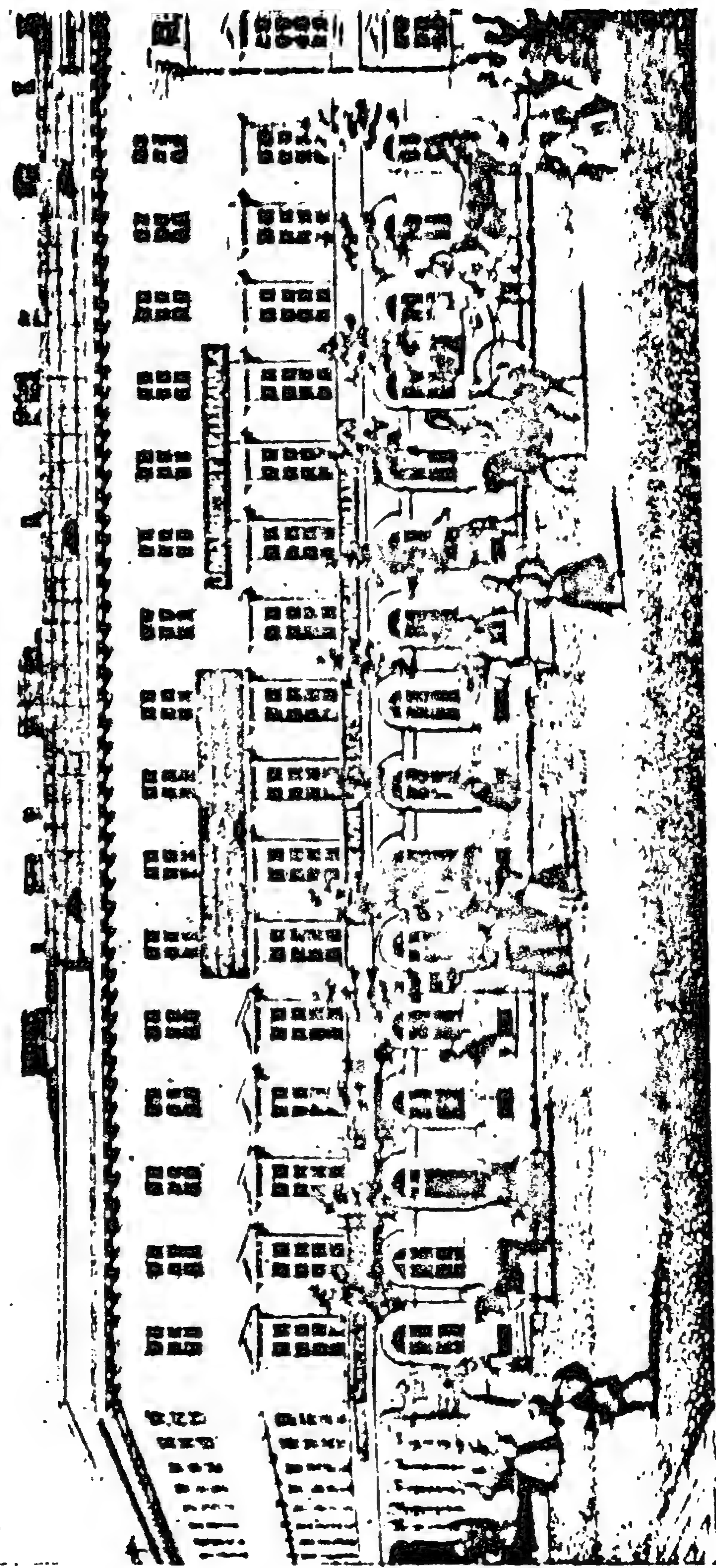
7) С почтеннейшей публики брать по 7-ми рублей вместо 10-ти, ибо нынче времена тяжелые, рекрутский набор и карантинны.

Думаю, что публика будет беспрекословно платить сей умеренный оброк и не принудит меня употреблять строгие меры“.¹

На сей раз Плетнев оказался умереннее своего доверителя, и размах Пушкина несколько смутил его. 5 сентября он отвечал поэту:

„1. Сколько экземпляров печатать: не довольно ли 1200?

¹ Плетневу, от 1-й половины VIII. 1831.

Книжная лавка А. А. Плюшара.

Деталь «Панорамы Невского проспекта» Садовникова (Из собрания Ленинградской Публичной Библиотеки)

2. Чтобы по 18 строк выходило на странице в 12-ю долю листа, то разрядка строк будет одинакова с Евг. Онегиным: аппробируешь ли ее? а иначе (т. е. в один шпон, а не в два) выйдет по 22 строки на странице . .

5. Не подать ли нам благого примера молодым писателям и не продавать ли Белкина по 5 р. книжку? Нас это не раззорит, а добрый пример глубоко пустит корни. Я и Вяземскому присоветовал продавать Адольфа по 5 р⁴.

Пушкин утвердил эти предложения, и „Повести Белкина“, вышедшие в том же 1831 г., продавались по 5 руб.¹

Как сказано выше, только еще в 1835 г. появилась в свет последняя часть четырехтомного собрания стихотворений Пушкина. И уже в конце 1836 г., известный типографщик и издатель А. А. Плюшар проектировал новое однотомное издание, что, само по себе, дает понятие об успехе предыдущего. Плюшар предполагал печатать 2.500 экземпляров (цифра небывалая для собраний стихов), причем в свою пользу выговаривал только 15%.² Это происходило в то время, как разыгрывался уже последний акт трагедии Пушкина. Ему было не до изданий, но в деньгах ощущалась особенно острая нужда, и поэт поспешил дать согласие, выговорив себе аванс в размере 1.500 руб.,³ какой и получил немедленно.

¹ В 1834 г. „Повести Белкина“ вышли вторым изданием.

² А. А. Плюшар — Пушкину, 23. XII. 1836.

³ Пушкин — А. А. Плюшару, 29. XII. 1836.

Еще прежде того, издание прошло цензуру. В библиотеке Пушкина, находящейся в Пушкинском Доме, сохранились III и IV части его стихотворений (в одном переплете). На обороте титула III части зачеркнуты цензурное дозволение от 20 января 1832 г. и подпись цензора И. Семенова, замененные датой 2 декабря 1836 г. и подписью: „Цензор П. Корсаков“, который скрепил весь экземпляр своею подписью по листам и на последнем листе написал: „Позволяется — Цензор Корсаков“. То же и на IV части, которую, в свое время, цензурировал А. В. Никитенко.¹

Пушкин даже принялся за исправление текстов. В помянутом экземпляре имеются два его исправления, в „Сказке о рыбаке и рыбке“. В IV части, на стр. 76, в стихе „Пришел невод с золотой рыбкою“, слово „золотой“ зачеркнуто и на поле, рукою Пушкина, написано: „одною“. А на стр. 81, против стиха: „Жемчуга окружили шею“ написано: „огрузили“.²

А через месяц Пушкин в последний раз стал к барьеру, и внезапно подкравшаяся смерть его оборвала предприятие Плюшара. Выданный поэту аванс был ему возвращен уже через опеку над детьми и имуществом Пушкина.³

¹ Б. Л. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина. СПб, 1910, стр. 83.

² Там же.

³ Б. Л. Модзалевский. Архив опеки над детьми и имуществом Пушкина в Музее А. А. Бахрушина. ПС, вып. XIII. СПб 1910, стр. 97. Ср. В. Л. Андерсон. Семейство Плюшар — типографы. „Русск. Библиофил“ 1911, № 1, стр. 38 — 39.

6

Тем временем, на Пушкина сыпались обвинения не только в дороговизне его изданий, но даже и в корыстолюбии. Цензор А. В. Никитенко, 14 апреля 1834 г., записал в своем дневнике:

„Плетнев начал бранить, и довольно грубо, Сенковского за статьи в „Библиотеке для Чтения“, говоря, что они написаны для денег и что Сенковский грабит Смирдина.

„— Что касается до грабежа, — возразил я, — то могу вас уверить, что ни один из знаменитых наших литераторов не уступит в том Сенковскому.

„Он понял и замолчал“.¹

Мудрено было не понять: удар направлялся слишком метко. Должно оговориться, что Никитенко и вообще не благоволил к Пушкину, еще с 1826 г., когда возвращение поэта из ссылки нарушило его идиллические беседы с Анной Петровной Керн. Но, конечно, в том, что он говорил, была доля истины. Три дня ранее, Никитенко записал один конкретный случай, несомненно, с тою же целью — компрометировать Пушкина, с которым у него, в ту пору, случались частые столкновения на почве его цензорской деятельности.

„Случилось нечто расстроившее меня с Пушкиным... К нему дошел его „Анджело“ с несколькими, урезанными министром, стихами. Он взбесился: Смирдин платит ему за каждый стих по червонцу, следовательно, Пушкин те-

¹ А. В. Никитенко, I, стр. 241.— 242.

ряет здесь несколько десятков рублей. Он потребовал, чтобы на место исключенных стихов были поставлены точки, с тем, однако, чтобы Смирдин, все-таки заплатил ему деньги и за точки".¹

Еще несколько прежде того, в конце 1833 г., брат лицейского товарища Пушкина, В. Д. Комовский, сообщал А. М. Языкову, что Пушкин привез из Болдина три пьески, под которыми он, вероятно, разумел „Медного Всадника“, „Анджело“ и „Родословную моего героя“, за которые требовал от Смирдина 15 тыс. руб.²

Однако, предварительные расчеты Пушкина не всегда оправдывались. Так, „Медный Всадник“ не принес Пушкину тех выгод, которые столь сильно смущали покой Комовского. На пути материальных успехов поэта, — не в первый раз, — встала цензура. Пушкин с горечью отзывался об этом событии в своем дневнике, 14. XII, 1833 г. „Мне возвращен Медный Всадник с замечаниями государя. Слово к у м и р не пропущено высочайшей ценсурою; стихи

И перед младшею столицей
Померкла старая Москва
Как перед новою Царицей
Порфиноносная вдова—

вымараны. На многих местах поставлен (?) — все это делает мне большую разницу. Я принужден был переменить условия со Смирдиным“.

Пушкин еще не терял надежды, сделал исправления, но и они ни к чему не привели. Вяземский сообщал Ал. Тургеневу: „Поэма

¹ А. В. Никитенко, I, стр. 241.

² „Исторический Вестник“, 1833, XIV, стр. 538.

Пушкина о наводнении превосходна, но исчеркана и потому не печатается".¹ Сам Пушкин замечал лаконически в письме к Нащокину: „Медный Всадник не пропущен — убытки и неприятности“.

Случались неудачи и другого порядка, в которых цензура была неповинна. „Домик в Коломне“ написан в знаменитую болдинскую осень 1830 г. Вскоре после того Пушкин намеревался издать новую поэму. 15 декабря 1830 г. Погодин записал в своем дневнике: „Пушкин читал мне разные прозаические отрывки и повесть октавами, которую просит издать“.² Издание не состоялось. Не удалось Пушкину напечатать поэму и в течение двух с лишним ближайших лет. О причинах можно догадываться по тому, что, когда эта замечательная поэма, наконец, явилась в свет, критика увидела в ней неопровержимые признаки решительного упадка творчества поэта. А напечатана она была только в 1833 г., в сборнике „Новоселье“, конечно бесплатно.

Сведения наши о подробностях издательской деятельности Пушкина в последние годы оскудевают совершенно. Очевидно только, что последние отдельные издания уже не приносили ему тех баснословных материальных выгод, как предшествующие.

Мы умышленно опускаем подробности издания „Истории Пугачевского бунта“, ибо оно было скорее не авторским, а правительствен-

¹ Остафьевский Архив, III, стр. 262.

² ПС, вып. XXII—XXIV, стр. 110.

ным. Но напомним, что книга эта потерпела полный материальный провал, благодаря чему Пушкин сильно запутался в своих денежных взаимоотношениях с высочайшим двором. Эта досадная материальная зависимость сыграла не последнюю роль в том трагическом душевном состоянии поэта, которое разрешилось только выстрелом Дантеса. Предпринятое Пушкиным тогда-же издание „Современника“, журнала с широкими заданиями и высокими авторскими гонорарами, в значительной степени, являлось попыткой увеличения и укрепления своих литературных доходов. Интересно, при этом, отметить, что, печатая в „Современнике“ всевозможные свои прозаические опыты, критические заметки и пр., Пушкин стихи свои продолжал отдавать в „Библиотеку для Чтения“.

Должно оговориться, однако, что в это время Пушкин получал уже значительный доход со своих мелких стихотворений. Нам уже приходилось говорить о десятирублевых гонорарах за строчку. О последних можно судить по одному тому, что за „Гусара“ Пушкин получил от Смирдина 1000 руб.¹ Барон Корф песьма многозначительно замечал в письме к Пушкину: „Твое слово для Смирдина закон“.²

¹ Н. О. Лернер („Историч. Вестн.“ 1883, XIV, стр. 537) высказал предположение, что к „Гусару“ же относится эпизод, переданный, со слов Смирдина А. Я. Панаевой (см. ее „Воспоминания“, Лиг. 1927, стр. 300—301), где говорится, что Пушкин продал стихи за 50 золотых, а Н. Н. Пушкина потребовали 100. Н. А. Добролюбов писал, что за „Гусара“ Пушкин получил 2 тыс. (Собр. сочин. I, стр. 294).

² Корф — Пушкину от VII. 1833.

ПУШКИН - КНИГОИЗДАТЕЛЬ

1

Такова, поневоле краткая, прагматическая история издательской деятельности Пушкина.

Этот экскурс за кулисы пушкинского творчества, — в силу скудости материала, — поневоле оказывается далеко не исчерпывающим. Но, при всем том, мы уже можем сделать некоторые общие выводы из всего вышесказанного.

Определяя роль, которую сыграл Пушкин в реформаторской волне, потрясшей в первые десятилетия XIX столетия формы литературного быта, должно учесть то, что деятельность его в этом направлении шла разными путями. Все пути эти вели к одной цели — к профессионализации писательского труда.

Едва ли нужно подчеркивать, что все связанные с этим вопросы интересовали Пушкина далеко не по одному тому, что теснейшим образом переплетались с материальным благополучием его самого, а имели для него и крупное принципиальное значение. Положение писателя глубоко занимало внимание Пушкина на протяжении всей его жизни, от времен юности и до самых последних дней. Еще в декабре 1836 г., незадолго перед последней дуэлью, Пушкин

получил письмо от известного историка, французского посланника при русском дворе, бар. А. Г. Баранта, желавшего познакомиться с нормами авторского права в России. „Правила литературной собственности в России, — замечал Барант, — должны быть вам известны лучше, чем кому-либо другому, и, конечно, мы не раз обдумывали улучшение этого пункта русских законов“. Пушкин отвечал простран- ным письмом, в котором обстоятельно и исчер- пывающе излагал действующие законоположе- ния. Поэт отмечал, что „эти правила далеко не разрешают всех вопросов, которые могут возникнуть в будущем. Закон не предусматри- вает вовсе посмертных произведений. Закон- ные наследники должны бы иметь полную соб- ственность на них со всеми преимуществами автора. Автор псевдонимного произведения или приписываемого известному автору теряет или нет свое право собственности, и какому пра- вилу нужно следовать в этом случае. Закон об этом ничего не говорит“.

Совершенно очевидно, что все эти разъяс- нения потребовали некоторых предварительных исследований, о чем свидетельствует сохранив- шаяся в черновых бумагах Пушкина программа:

О литературной собственности.

О правах издателя.

„ (писателя).

„ аноним.

„ наследники и пр... ¹

¹ И. А. Шляпкин. Из неизданных бумаг А. С. Пуш- кина. Спб. 1903, стр. 297.

И снова, накануне смерти, Пушкин подводил итог своей деятельности на поприще разрешения вопроса о литературной собственности и авторского гонорара. „Литература стала у нас всего около 20 лет значительной отраслью промышленности (т. е. как раз ко времени появления Пушкина. С. Г.). До тех пор она рассматривалась только как занятие изящное и аристократическое... Никто не думал извлекать других плодов из своих произведений, кроме успеха в обществе, авторы сами поощряли перепечатывание и искали в нем удовольствие тщеславия, между тем как наши академии давали пример сознательного и безнаказанного нарушения прав. Первая жалоба на перепечатывание была подана в 1824 году (самим Пушкиным, по поводу „Кавказского Пленника“. С. Г.). Оказалось, что случай не был предусмотрен законодателем“.¹

Так, в преддверные декабрьские дни, когда зрела последняя трагедия поэта, Пушкин находил еще время задумываться над практическими вопросами, связанными с литературным трудом. Из этого можно заключить о глубине интереса его к данным вопросам.

Ко времени выхода Пушкина на литературную арену, профессионализация писательского труда еще совершенно не существовала. Соответственно и авторский гонорар, уже вполне утвердившийся и стабилизировавшийся в от-

¹ М. Цявловский. Письма Пушкина и к Пушкину. М. 1925, стр. 36—39. (Впервые напечатано в сб. „Недра“, кн. III. М. 1924.) Подлинники обоих писем, Баранта и Пушкина, на французском языке.

ношении переводческого труда, в области оригинальной литературы представлял явление чисто спорадическое. Литература, пройдя через стадию меценатства, оставалась в плоскости барствуюющего дилетантизма.

Можно с уверенностью сказать, что еще прежде нежели Пушкин почувствовал и осознал принципиальную и идейную сторону вопроса, он встретился с ним на чисто практической почве, ища средств к существованию. Материальное положение поэта в ссыльную пору оставляло желать много лучшего. Перописки его друзей начала 1820-х гг. свидетельствует наглядно о крайней степени нужды, которую переживал Пушкин. Но еще красочнее рисует материальное положение ссыльного поэта эпически спокойное сообщение его ближайшего начальника, ген. И. Н. Инзова, в секретном письме к гр. И. А. Каподистрии, от 28 апреля 1821 г.: „В бытность его в столице, он пользовался от казны 700 рублями на год; но теперь, не получая сего содержания, не имея пособий от родителей, при всем возможном от меня вспомоществовании, терпит, однакож, иногда некоторый недостаток в приличном одеянии. По сему уважению я долгом считаю покорнейше просить распоряжения вашего к назначению ему отпуска здесь того же жалования, какое он получал в С.-Петербурге“.¹

Результатом этого письма явилось назначение Пушкину жалования, высылавшегося по третям, всего 700 руб. ассигнациями в год,

¹ „Русская Старина“, т. 53, стр. 243. Разрядка наша.

каковое он и получал вплоть до увольнения со службы, 8 июля 1824 г., и ссылки в деревню.

А жить Пушкин любил широко, между тем, средств у него не хватало и на самое умеренное существование. Невольное полнение всякий раз вызывает старая догадка П. И. Бартенева, что к азартным играм влекла Пушкина надежда на внезапный большой выигрыш. Но такое стремление могло быть вполне естественно у человека, испытывавшего „недостаток в приличном одеянии“.

Должно быть, именно эта постоянная нужда побудила, на первых порах, Пушкина отказаться от традиционного взгляда барствующей литературы на авторский гонорар и на литературный доход вообще, и прибегнуть к ним, как к единственным средствам, могущим служить к обеспечению его существования.

Литературному гонорару, как определенной норме, основание положено Пушкиным. Справедливо замечают авторы книги „Словесность и коммерция“ (стр. 297), что „в деле создания „торгового направления“ Смирдин играл роль видимой точки, выявляющей движение исторических сил“, будучи „лишь исполнителем заказа истории“. Действительно, именно Смирдин широко развил систему крупного авторского вознаграждения, но должно учесть то, что большие авторские гонорары Пушкина, хронологически, далеко предшествовали деятельности Смирдина, и что первый авторский гонорар, заплаченный Смирдиным, пришелся на долю пушкинского „Бахчисарайского Фонтана“.

Пушкин заслуженно гордился своей победой, и в самом деле, значение этой реформы было грандиозно. Говорить о нем пространно в наше время вряд ли уместно. Скажем кратко: обеспечив материальную сторону литературной работы, Пушкин дал множеству своих современников физическую возможность творить. Литературный труд, освобождая их от скучной необходимости корпеть в какой-нибудь канцелярии, обеспечивал их свободу и независимость, в чем, в свою очередь, заключался существенное условие самостоятельности самого творчества и литературы. Нет сомнения, что этим же, отчасти, объясняется расцвет литературной жизни пушкинской поры. Явились и получили возможность развиться дарования, которые, при иных условиях, навсегда оказались бы погребенными в различных „присутственных местах“.

„В деле Волынского, — читаем в записях Пушкина 1827 г., — сказано, что сей однажды в какой-то праздник потребовал оду у придворного пииты Василия Тредьяковского; но ода была не готова, и пылкий статс-секретарь наказал тростию оплошного стихотворца“. Так Пушкин сам поставил вежу у истоков литературного творчества, как бы подчеркивая громадность пройденного пути от трости горячего статс-секретаря, прогулявшейся по спине неудачливого стихотворца, либо даренного перстня или табакерки, до высокого авторского гонорара, как определенной системы литературного вознаграждения.

2

На пути этом, однако, встречались препятствия. Был во времена Пушкина поэт С. Е. Раич. Имя его, по всей справедливости, предано забвению, ибо поэтом он был худым. Не даром Дельвиг зло острил, что он походит на „домового пииту“.

Но Раич был страстным и бескорыстным поклонником поэзии, и потому полагал величайшим позором для поэта получение гонорара за свои произведения. Надо думать, что тогдашние издатели и журналисты не трудились оспаривать его взглядов, поскольку они отвечали их интересам, охотно предоставляя ему довольствоваться „славой“. Но как-то Смирдин имел неосторожность предложить Раичу за его стихи вознаграждение, на что тот, гордо вскинув голову, отвечал: „Я — поэт, и не продаю своих вдохновений“.

В наши дни подобный эпизод кажется не более, как забавным анекдотом, но в те времена Раич был далеко не одинок в своих взглядах. Он только горячее других проповедывал нетерпимость к денежному вознаграждению за плоды „вдохновенных досугов“ и в полемическом азарте не воздержался даже от явной передержки, зачислив в свои союзники Пушкина тогда, когда последний уже был мертв и потому не мог возражать. В 1839 г. Раич писал:

„Я всякий раз чувствую жестокое угрызение совести, — сказал мне однажды Пушкин в откровенном со мною разговоре, — когда

вспоминаю, что я, может быть, первый из русских начал торговать поэзией. Я конечно, выгодно продал свой Бахчисарайский Фонтан и Евгения Онегина, но к чему это поведет нашу поэзию, а может быть, и всю нашу литературу? Уж конечно не к добру. Признаюсь, я завидую Державину, Дмитриеву, Карамзину: они бескорыстно и безукоризненно для совести подвизались на благородном своем поприще, на поприще словесности, а я!" — Тут он тяжело вздохнул и замолчал¹.

Будь Пушкин жив, он, конечно, многое нашел бы возразить своему мнимому духовнику. И по-первых мог бы он возразить, что и предшественникам его на литературном поприще случалось получать авторские гонорары. На упреки И. И. Дмитриева Пушкин, добродушно отшучиваясь, ссылался на то, что „Карамзин первый у нас показал пример больших оборотов в торговле литературной“. В другой раз он писал: „Человек, имевший важное влияние на русское просвещение, посвятивший жизнь единственно на ученые труды. Карамзин первый показал опыт торговых оборотов в литературе. Он и тут (как и во всем) был исключением из всего, что мы привыкли видеть у себя“.

Но именно исключением был тогда Карамзин, и Раич с легкостью мог бы вербовать себе адептов в самых широких кругах русского общества тех времен. Если это общество не жаловало особенным уважением литераторов

¹ „Галатея“, 1839, ч. IV, № 29, стр. 197.

и литературный труд, то уж против авторского вознаграждения оно восставало во всеоружии кастовых предрассудков чванливого аристократизма, почитавшего получение платы за творчество, „плоды вдохновенных досугов“, оскорблением Музам. Коль скоро литературные предшественники Пушкина являлись плотью от плоти этой замкнутой аристократической надслойки и были достаточно материально обеспечены, вопрос о литературном гонораре, как об известной правовой норме, и не мог возникнуть.

„Тогда, — вспоминал литератор М. Е. Лобанов, — писатели довольствовались одною славою или только известностью, и дарование их собирало одни похвалы и уважение современников; ныне присоединяются к тому значительные выгоды, обеспечивающие их состояние.

Ломоносов и Державин едва ли собрали какие плоды за их бессмертные произведения: сей последний рассказывал своим приятелям, что, желая, по просьбе супруги своей, расчистить свой сад и привести его в некоторый порядок, он слыл каждое утро, во время пудрения и хитрой того времени причёски, по одному небольшому стихотворению и издал их с прибавлением некоторых других под заглавием „Анакреонтические стихотворения“ и, продав оные за 300 рублей книгопродавцу, употребил на устройство своего сада“.¹ И сам Пушкин, в письме к Рылееву, в июне 1825 г.,

¹ ПС, вып. XXXI—XXXII, стр. 112.

многозначительно замечал: „Не должно русских писателей судить как иноземных. Там пишут для денег, а у нас (кроме меня) для тщеславия. Там стихами живут, а у нас гр. Хвостов прожился на них. Там есть нечего — так пиши книгу, а у нас есть нечего — так служи, да не сочиняй“.

К концу жизни Пушкина, такой порядок вещей казался уже далекой историей, и сам Пушкин, со своими крупными торговыми оборотами, отнюдь не представлял исключения. Не даром тот же Раич, в цитированной выше статье, обрушиваясь на торговое направление литературы, истерически восклицал: „Поэтов и прозаиков стали ценить по сбыту их не вещиственного капитала... На писателей виноватых и невиноватых, т. е. причастных и не причастных корысти, пал позор, и литература наша, если прежде, небогатая и нероскошная, по крайней мере невинная, непродажная, стала клониться к упадку“.¹

Повторяем, Раич в своих нападках не был ни оригинален, ни одинок. Еще прежде того, при жизни Пушкина, в середине 30-х годов, вокруг вопроса о „торговом направлении“ в литературе возгорелась жестокая полемика, непосредственным поводом к которой послужило издание Смирдиным „Библиотеки для Чтения“, широко анонсировавшей крупные авторские гонорары. В полемике этой приняли участие, с разных сторон, виднейшие представители литературы: Белинский, Шевырев, Бул-

¹ „Галатея“, 1839, ч. IV, № 29, стр. 198—199.

гарин, Николай Полевой, Гоголь, из чего одного можно заключить, насколько этот вопрос был актуален.

3

Все эти атаки были не совсем безосновательны, ибо неизбежно — всякая, хотя бы самая благодетельная, реформа имеет и теневую сторону. Не случайно даже Вяземский, еще в 1824 г., писал Пушкину: „Петербургская литература так огадилась, так исшельмовалась, что стыдно иметь с нею дело. Журналисты друг на друга доносят, хлопчут только о грошах и то ищут их в грязи и заходах“.¹ Для многих литераторов, действительно, гонорар, „презренный металл“, стал неизмеримо довлеть над творческим вдохновением. В 1834 г., Белинский, горячий сторонник нового направления, зло иронизировал по поводу того, что „Воейков пуще всего хвалит Александра Филипповича Смирдина за то, что он дорого платит авторам“.² Отсюда появлялась страсть к наживе, а последняя зачастую порождала самую обыкновенную нечистоплотность в поступках. Если, как мы видели выше, книгопродавцы подчас пускались в весьма сомнительные спекуляции, то и многие литераторы оказывались повинны в том же.

Булгарин однажды заключил условие со Смирдиным, согласно которому обязался за 30 тыс. руб. поставить ему книгу с лондон-

¹ Вяземский — Пушкину, от 6.XI.1824.

² Белинский. Сочинения. I, стр. 58-59.

скими картинками. Но, как оказалось, последние выполнены были безобразнейшим образом в Лейпциге. Смирдин попытался протестовать, стал разбирать договор, и тут только убедился в том, что Булгарин мошеннически обошел его: в условии, вместо слова „Лондон“, значилось „за границей“.¹ Через много лет, рассказывая об этом происшествии П. В. Анненкову, Смирдин, со слезами на глазах, восклицал: „Я напишу свои записки, я напишу „Записки книгопродавца!“ В другой раз, тот-же Булгарин обманул Лисенкова, запродав, приобретенные им, сочинения и другим книгопродавцам.“²

Подобных случаев было много, и хотя они представляли собою печальные и совершенно неизбежные исключения, но многие склонны были по ним судить о целом. Если Ранч дал волю своему негодованию только уже после смерти Пушкина, то иные высказывали ему в лицо свои взгляды на события, ответственность за которые возлагалась всецело на него.

Известно, что действие равно противодействию. Все эти нападения побуждали Пушкина к декларативной защите своей позиции, в частных беседах, в письмах к друзьям и официальным лицам и, наконец, в печати. Приведем для иллюстрации забавный эпизод.

Вскоре после возвращения из ссылки, Пушкин давал богатый обед в ресторане Доминика. Вошедший лейб-гусар, гр. Завадовский, саркастически заметил по этому поводу:

¹ Добролюбов. Сочинения. I, стр. 833.

² Никитенко. I, стр. 359.

— Однако, Александр Сергеевич, видно туго набит у вас бумажник.

— Да ведь я богаче вас, — возразил поэт, — вам приходится иной раз проживаться и ждать денег из деревни, а у меня доход постоянный с тридцати шести букв русской азбуки.¹

С величайшей настойчивостью, на которую Пушкин был способен, он пропагандировал свою идею. Известное письмо его к А. И. Казначееву, от 25 мая 1824 г., носит характер настоящей декларации по этому вопросу:

„Ради бога не думайте, чтоб я смотрел на стихотворство с детским тщеславием рифмача или как на отдохновение чувствительного человека: Оно просто мое ремесло, отрасль честной промышленности, доставляющая мне пропитание и домашнюю независимость... Мне скажут, что я, получая 700 рублей обязан служить. Вы знаете, что только в Москве или П. Б. можно вести книжный торг, ибо только там находятся журналисты, цензоры и книгопродавцы; я поминутно должен отказываться от самых выгодных предложений единственно по той причине, что нахожусь за 2000 в. от столиц. Правительству угодно вознаграждать некоторым образом мои утраты, я принимаю эти 700 рублей не так как жалование чиновника, но как паёк ссылочного невольника. Я готов от него отказаться, если не могу быть властен в моем времени и занятиях“.

Ту же мысль, высказанную в обращении к официальному лицу, Пушкин настойчиво по-

¹ „Русский Архив“, 1888. III, стр. 468.

вторял и в переписке с друзьями. „Были бы деньги, а где мне их взять? — писал он брату в самом начале 1824 г. — Что до славы, то ею в России мудрено довольствоваться... Mais pourquoi chantais-tu? На сей вопрос Ламартина отвечаю: я пел, как булочник печет, портной шьет... лекарь морит — за деньги, за деньги. Таков я в наготе своего цинизма“. Через несколько времени, 8 февраля, в письме к А. А. Бестужеву: „Радуюсь, что мой Фонтан шумит... Впрочем я писал его единственно для себя, а печатал потому что деньги были нужны“. И ровно через месяц, Вяземскому: „Я пишу для себя, а печатаю для денег“.

Видимо, мысль эта владела поэтом глубоко и постоянно. Через десять лет, в апреле 1834 г., в письме к М. П. Погодину, Пушкин повторил ту же фразу: „Пишу много для себя, а печатаю поневоле и единственно для денег“.

Во всем этом очевидное смешение понятий. Едва ли Пушкин мог убедить кого-нибудь в том, что он пишет ради заработка, но в утверждении, что он печатает для денег, он был более искренен. Выше мы видели, как много внимания уделял Пушкин торговой стороне своих литературных предприятий, как радел о своих доходах, всячески стараясь повышать их.

Та настойчивость, с которой Пушкин повторял мысль о материальной заинтересованности, в своих письмах и даже в стихах (напр. в „Разговоре поэта с книгопродавцом“), объясняется, конечно, мотивами полемическими.

Пушкин защищал не столько себя самого, сколько агитировал за укрепление авторского гонорара вообще.

Между тем, высокое вознаграждение за литературный труд, неизбежно влекло за собою еще большее повышение стоимости книги, которая, при новых условиях, должна была оплатить не только себя, но и автора, и издателя, а чаще всего еще и посредника-книгопродавца. Любопытно отметить, что и сам Пушкин, в дружеской переписке, шутливо жаловался на цены своих сочинений. Писателю Н. И. Хмельницкому, организовавшему библиотеку в Смоленске, он писал: „Я бы за честь себе поставил препроводить сочинения мои в Смоленскую Библиотеку, но вследствие условий, заключенных мною с Петербургскими книгопродавцами, у меня не осталось ни единого экземпляра, а дороговизна книг не позволяет мне и думать о покупке“.¹ Другой раз, он просил Плетнева: „Пришли мне, мой милый, экз. 20 Бориса для московских прощаль, не то разорюсь, покупая у Ширяева“.²

Если Пушкин шутил, то журналисты далеки были от шуток. Вслед за другими газетами и журналами, нападавшими на Пушкина за дороговизну его изданий, сказала, наконец, свое слово и „Северная Пчела“ особенно негодовавшая по поводу 5-рублевых „Онегинских“ книжек.³ А в 1835 г., когда Смирдин приступил к изданию „Поэм и повестей“ Пушкина, в двух томах,

¹ Н. И. Хмельницкому, от 6. III. 1831.

² П. А. Плетневу, от 13. I. 1831.

³ Ср. „Северная Пчела“, 1829, № 1 и 3

стоивших 20 рубл., „Северная Пчела“ саркастически замечала по этому случаю: „Хотя, конечно, нельзя назвать дешевым издание двух томов посредственной величины, продающихся по 20 рублей; но в сравнении с прежнею непомерною ценою поэтических брошюр, его составляющих, эта цена очень умеренна“.¹

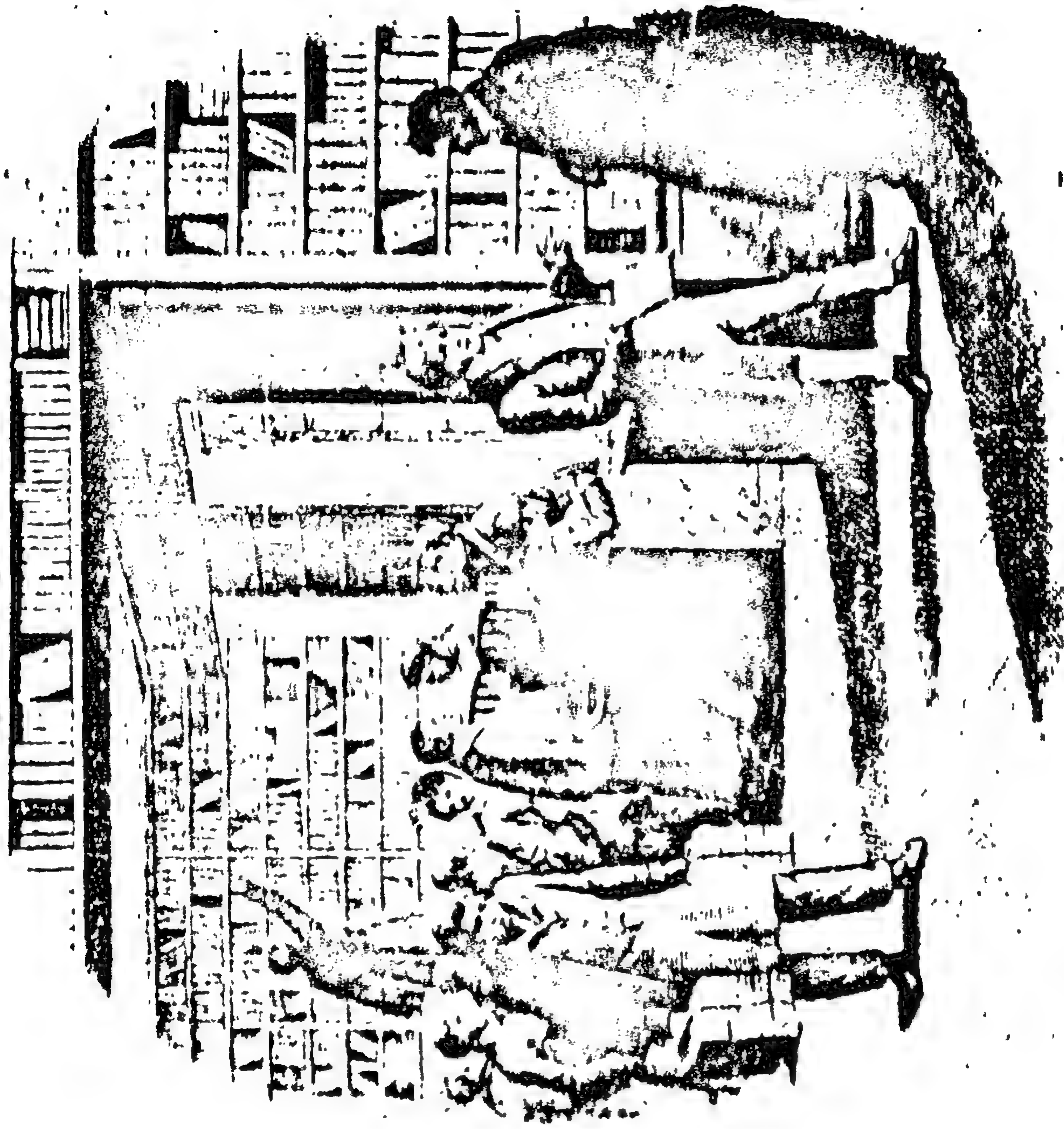
Соответственно росли аннотиты и других литераторов. Цены пушкинских сочинений только вначале представляли собой исключение. Очень скоро другие издатели стали равняться по ним. Приведем несколько цифр. „Стихотворения“ Боратынского стоили 10 р., его же „Эдда и Пирь“ — 5 р., Козлова „Чернец“ — 5 р., пьесы Кукольника по 10 р., три маленькие повести Павлова — 8 р., „Ледяной Дом“ Лажечникова — 20 р. Не отставали и те поэты и писатели, которые отнюдь не могли похвастать славой и блеском своих имен. Поэма В. Н. Олина „Кальфон“ продавалась по 5 р., „Восточная лютня“ А. А. Шишкова — 6 р. и т. д., и т. д.

В литературных кругах эти высокие цены вызывали сильное беспокойство и недовольство, при чем первопричину всего видели, конечно, не без оснований, в Пушкине. В 1829 г., в „Северной Пчеле“, некто, скрывшийся под псевдонимом „Никодрас Крипсов“,² иронизировал:

„А. С. Пушкин пишет и издает свой роман в стихах: Евгений Онегин главами, небольшими книжками, ценою по 5 рублей.

¹ „Северная Пчела“, 1835, № 134.

² „Северная Пчела“, 1829, № 3.

Книжная лавка А. Ф. Смирнова.

Виньетка из сборника «Новоселье».

Публика с удовольствием раскупает это произведение первоклассного нашего поэта, и вот в задней шеренге нашего литературного легиона зашумели и, по примеру вождя, расписались. Поэмки и книжечки посыпались, цена та же по пять рублей, те же пробелы между строфами, те же пропуски в нумерации глав, но разница в том, что публика не раскупает книжек мастерства задней шеренги, не раскупает потому, что бумаги на папильоты и на обертывание разных вещей можно купить гораздо дешевле"...

Этот жестокий обстрел требовал ответного огня. В 1831 г., Пушкин набросал возражения, но, однако, они не увидели света, а остались в черновых рукописях поэта, из которых он черпал отдельные фрагменты для своих полемических статей.

„Между прочими литературными обвинениями, — писал Пушкин, — укоряли меня слишком дорогою ценою Евгения Онегина и видели в ней ужасное корыстолюбие. Это хорошо говорить тому, кто отроду сочинений своих не продавал, или чьи сочинения не продавались; но как могли повторить то же милое обвинение издатели Северной Пчелы? Цена устанавливается не писателем, а книгопродавцами. В отношении стихотворений число требователей ограничено. Оно состоит из тех же лиц, которые платят по 5 рублей за место в театре. Книгопродавцы, купив, положим, целое издание по рублю за экземпляр, все-таки продавали б по пяти рублей. Правда, в таком случае автор мог бы приступить ко второму

дешевому изданию, но книгопродавец мог бы тогда сам понизить цену, и таким образом уронить новое издание. Эти торговые обороты нам, мещанам-писателям, очень известны. Мы знаем, что дешевизна книг не доказывает бескорыстия автора, но или большое требование оной, или совершенную остановку оной в продаже. Спрашиваю: что выгоднее—напечатать 20.000 экземпляров книги и продать по 50 коп., или напечатать 200 экземпляров и продать по 50 рублей?

Цена последнего издания Басен Крылова, во всех отношениях самого народного нашего поэта (*les plus national et les plus populaire*), не противоречит нами сказанному: басни (как и романы) читает и литератор, и купец, и светский человек, и дамы, и горничные, и дети. Но стихотворение лирическое читает только любитель поэзии. А много ли их?

Объяснения не вполне убедительны,¹ поскольку они, главным образом, основаны на торговых расчетах автора, отчего читателям, кряхтевшим от покупки его произведений, еще не становилось нисколько легче. Может быть, эти соображения удержали Пушкина от печатания своих замечаний. Но, в основе своей, соображения его строились на личном опыте и на фактическом положении вещей.

Говоря, что „цена устанавливается книгопродавцем“, Пушкин, конечно, имел в виду историю „Братьев-разбойников“. Подобные прецеденты многих писателей,—напр. Гоголя,—вос-

¹ Ср. в статье В. И. Чернышева, ПС, вып. VI, стр. 154.

становились против профессиональных издателей, побуждая к собственным изданиям. Заметим, что и сам Пушкин, за редкими исключениями, при первых изданиях обходился собственными силами. Цена последующих изданий уже должна была согласовываться с первым.

В том же, 1831 году, в записке об издании газеты, Пушкин весьма многозначительно замечал:

„Десять лет тому назад литературою занималось у нас весьма малое число любителей. Они видели в ней приятное, благородное упражнение, но еще не отрасль промышленности: читателей было еще мало. Книжная торговля ограничивалась переводами кой-каких романов и перепечатанием сонников и песенников“.

Десять лет тому назад — это время выступления на широкую литературную арену Пушкина. Так, сам он, как бы подводя итоги своей деятельности, констатировал грандиозность происшедшего сдвига. В это время, в последние годы жизни, издательская деятельность Пушкина уже утратила свое актуальное значение вечно будирующего фермента. История сама продолжала то дело, ту ломку старых форм „литературного быта“, которой первый сильный толчок дан был Пушкиным.

4

Высокие авторские гонорары, за которые так жестоко боролся Пушкин, далеко не сразу стали общим явлением. Требовалось большое имя. В 1826 г. С. Н. Глинка, оказавшийся

в крайне бедственном положении, переводил для московского гравёра Кудрявцева басни Лафонтена по 5 руб. за штуку. Тогда же, книгопродавец Ширяев приобрел шесть пьес А. А. Писарева за 1000 руб.¹ Много позднее, уже в 1832 г., Белинский, за перевод „Монфермельской молочницы“ Поль-де-Кока, не рассчитывал получить более 100 руб., так как „фортуна прежде всего пошутила“ над ним — „в газетах было объявлено о другом переводе сего самого сочинения“.²

Многие литераторы продолжали бедствовать. Многие книги, принадлежавшие даже крупнейшим писателям, плохо расходились, как „Цыганы“ Пушкина, „Шильонский узник“ Жуковского. Гоголь жаловался Пушкину: „Мои ни „Арабески“, ни „Миргород“ не идут совершенно. Чорт их знает, что это значит. Книгопродавцы такой народ, который без всякой совести можно повесить на первом дереве“.³

Но уже книжная торговля развивалась все шире, а с нею росли и авторские гонорары. Приведем несколько цифр для иллюстрации: „Библиотека для Чтения“ имела около пяти тысяч подписчиков, „Северная Пчела“ выходила в четырех тысячах экземпляров.⁴ Обо-

¹ С. Т. Аксаков. Собрание сочинений; т. IV, стр. 131.

² Белинский. Письма. I, стр. 54. Этот случай Тургенев запечатлел в „Месyце в деревне“.

³ Гоголь — Пушкину, от 7. X. 1835.

⁴ Гоголь. „О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 гг.“. Это, однако, далеко не было общим явлением. „Отечественные Записки“ Краевского, — по свидетельству Плетнева, — плохо расходились и лежали

роты некоторых журналов были настолько велики, что в 1832 г. Смирдин, за издание „Северной Пчелы“ платил Булгарину 25 тыс. руб. ежегодно, а Гречу, за „Сына Отечества“ — 30 тыс., за их право. „А на каком праве основано это право, не разберешь“, замечал Вяземский.¹ В 1839 г., А. В. Никитенко и Н. А. Полевой, за редактирование „Сына Отечества“, получали по 7.500 руб. в год. За лист оригинальной статьи сотрудникам платилось 200 руб., за переводный — 75.² По 200 руб. за лист платил в 1836 г. и Пушкин в своем „Современнике“.³ Денису Давыдову, тогда же, Смирдин, издававший „Библиотеку для Чтения“, предлагал по 300 руб.⁴ и т. д. Гонорары за журнальные статьи выплачивались авторам, обыкновенно, по напечатании ее.⁵

В отдельных случаях, гонорары были еще несравненно выше. Крылов на изданиях своих басен, к началу 1830-х гг., заработал 100 тыс. Смирдин платил ему за каждую новую басню по 300 руб. „Если он напишет в месяц две басни, — замечал М. Е. Лобанов, — то будет иметь в год 7200 рублей дохода“.⁶ Но этого

штабелями в типографии. Основанный Пушкиным „Современник“, уже в начале 40-х гг., печатался в количестве всего 600 экземпляров, из которых расходилось не более 200, так что издание было явно дефицитным. (Переписка Грота с Плетневым, т. II, стр. 144, т. III, стр. 4.)

¹ Архив Тургеневых, VI, стр. 98.

² Никитенко, I, стр. 300.

³ Пушкин — В. Д. Сухорукову, от 14. III. 1836.

⁴ Д. В. Давыдов — Пушкину, от 2. III. 1836.

⁵ Пушкин — Н. А. Дуровой, от VI—VII. 1836.

⁶ ПС, в XXXI—XXXII, стр. 113.

Крылову показалось мало, и в 1834 г., он уже требовал со Смирдина по 500 руб., объясняя, что собирается купить карету, для чего ему нужно скопить деньги.¹ В 1832 г. Смирдин собирался приобрести собрание сочинений Боратынского за 8—10 тыс. руб. и еще боялся, что Боратынский не согласится.²

Известны случаи грандиозного успеха и отдельных изданий. Так, роман Булгарица „Иван Выжигин“, вышедший 26 марта 1829 г., в количестве 2.000 экз., по словам автора, был распродан в 5 дней, и уже 2 апреля в „Северной Пчеле“ сообщалось, что приступлено ко второму изданию, без перемен.³ В два года разошлось этого романа 7 тыс. экземпляров. Такой же успех имели и сочинения Загоскина. По свидетельству современников, „Юрия Милославского“, вышедшего в конце 1829 г., читали повсюду: „в гостиных и в мастерских, в кругах простолюдинов и при высочайшем дворе“.⁴ В один год роман выдержал три издания.⁵ В 1831 г., Загоскин продал еще неоконченного „Рославлева“ за 40 тыс. руб., обязавшись только в течение двух лет не печатать нового издания. „Рославлев“ был напечатан типографщиком Н. С. Степановым в количестве 4.800 экземпляров, т. е. четырех заводов. Еще до окончания романа, книгопродавцы приобрели у Степанова будущую книгу, с обыч-

¹ Никитенко, I, стр. 242.

² Пушкин — П. В. Нащокину, 2. XII. 1832,

³ „Северная Пчела“, 1829, № 40.

⁴ Н. И. Греч. Записки о моей жизни, стр. 451.

⁵ „Русская Старина“, 1902, III, стр. 83.

ной тогда уступкой в 20%, на 36 тыс. руб., за наличные деньги. Несмотря на высокую цену в 20 руб., роман разошелся быстро и затем выдержал еще три издания.¹

В заключение приведем несколько сведений об издательской деятельности другого великого художника, Гоголя. Как выше сказано, Гоголь критически относился к профессиональным издателям и, после материального неуспеха первых двух своих книжек, решительно прибегнул к собственным изданиям. Не в пример „Миргороду“ и „Арабескам“, его „Вечера на хуторе близ Диканьки“ имели уже огромный успех. Объявление о первом издании появилось 29 сентября 1831 г., а 18 июля 1832 г., т. е. менее нежели через год, открыта была подписка на второе издание. При выходе 2-й части, пришлось допечатывать 150 экземпляров 1-й.² За „Ревизора“ Гоголь получил с петербургской дирекции 2.500 руб., а в 1839 г. Смирдин предлагал ему за переиздание старых сочинений и „новой комедии“ 5 тыс., тогда как писатель Б. А. Врасский давал 6 тыс.

„Мертвые души“ вышли из печати в конце мая 1842 г. и разошлись настолько быстро, что уже в феврале следующего, 1843, года задумано было новое издание, которое, однако, осуществилось только в 1846 г. Отпечатано оно было двойным тиражом, в количестве 2.400 экземпляров. У Гоголя денег не было. Типография печатала в кредит, а бумагу взял

¹ Аксаков, IV, стр. 115--116.

² Гоголь, I, стр. 491 (прим.).

и кредит же, на свое имя, Погодин. К началу февраля 1847 г., не осталось уже ни одного экземпляра. За вычетом расходов по печатанию, Гоголю очистилось до 3 тыс.¹

Наконец, достаточно показательно и то, что до выхода посмертного издания, в начале 50-х гг., четыре книжки сочинений Гоголя, номинально стоившие 25 руб. ассигнациями, продавались по 50 и 75 руб. серебром.²

И при всем том, в те отдаленные времена, так мал был читательский коллектив, так слабо развито было просвещение, замкнутое рогатками николаевского самодержавия, что книжная торговля все еще не могла завоевать прочного положения. Как будто это не нуждается в подтверждении. Достаточно только напомнить текст одного объявления, печатавшегося в 1845 г. во всех газетах и журналах:

„Продаются по весьма уменьшенной цене сочинения Александра Пушкина. Одиннадцать томов в большую 8-ую долю листа в С.-Петербурге 1838—1841 гг., вместо прежних 65 руб. ассигнациями за 11 томов на веленовой бумаге они продаются теперь 10 рублей серебром, а вместо 50 рублей ассигнациями за экземпляр на простой бумаге 8 рублей серебром. Весовых прилагается 15 фунтов. Отдельно 3 части 9, 10 и 11 — на веленовой бумаге, продававшиеся за 30 рублей, ныне продаются за 5 рублей, на простой вместо 25 рублей ассигнациями за 4 рубля серебром, весовых 5 фунтов“.

¹ Переписка Грота с Плетнёвым, III, стр. 4—6.

² Аксаков, IV, стр. 454.

Русская культура, а с ней и литература русская, тисотно и боянно бились в безжалостных лапах полицейского режима. Должны были пройти еще десятилетия прежде, нежели сочинения Пушкина стали необходимой принадлежностью всякого мыслящего человека.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Книжный рынок в начале XIX века	7
Издательская деятельность Пушкина в период ссылки	30
Литературные доходы Пушкина в последнее десяти- летие	77
Пушкин-книгоиздатель	117